

ВЕРТОГРАД СТАРЧЕСТВА

ОПТИНСКИЙ
ПЯТЕРИК

НА ФОНЕ ИСТОРИИ ОБИТЕЛИ

Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2016

УДК 27-788-055.1
ББК 86.372.24

Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории
обители / «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2016

ISBN 978-5-7789-0257-2

«Вертоград старчества» – одна из попыток изложить историю Введенской Оптиной пустыни, заключающая в себе сведения о большом количестве насельников обители. Здесь рассказывается и обо всех старцах, из которых ныне большинство прославлено в лике святых. Впервые публикуются фрагменты составленного в 1924–1925 годах Н.Г. Чулковой «Некрополя Оптиной пустыни». Составитель книги монах Лазарь (Афанасьев) использовал в ней наиболее доступный печатный и архивный материал, посвященный знаменитому монастырю. С начала 1990-х годов он много работал над оптинскими темами и издал более десяти книг, житий, очерков и статей в церковной периодике.

УДК 27-788-055.1

ББК 86.372.24

, 2016

ISBN 978-5-7789-0257-2

© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители

Составитель монах Лазарь (Афанасьев)

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р 14-408-0892*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Пролог

Русский летописец под 6545 (1037) годом отмечает, что от крещения Руси «нача вера хрестьяньска плодится... и монастыреве починаху быти. И бе Ярослав, любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризыце»¹, то есть более всего любил монашество. В те времена и многие века позднее монашеским духом пронизан был вообще весь быт православных². Евангельская нравственность почти вытеснила языческую распущенность. Православные духовники были в народе и в среде бояр и князей самыми авторитетными людьми и, собственно, были часто тем, чем позднее стали старцы.

Вскоре в Киеве возник и один из самых знаменитых русских монастырей – Киево-Печерская Лавра, бывшая поначалу пещерным монастырем, который не был учрежден ни боярином, ни князем. Историк пишет, что он возник из чисто аскетических устремлений отдельных лиц из простого народа и прославился не знатностью ктиторов и не богатствами своими, а той любовью, которую снискал у современников благодаря аскетическим подвигам своих насельников, вся жизнь которых, как пишет летописец, «в воздержании и в великом пощении, и в молитвах со слезами».

Основателями Лавры были святые преподобные Антоний и Феодосий, великие учителя жизни по евангельским заповедям. С этого времени труд постижения духовных истин, борьба с грехом и очищение своего внутреннего мира начали становиться для русского человека делом жизни. С тех пор свойственно стало для православного человека пренебрежение к материальным благам, внимание к голосу совести, уважение к аскетическому ради Бога образу жизни. Пусть и не у всех это было, но такой идеал жизни в русском народе преобладал не только тогда, но и ныне существует.

Русский народ полюбил храмы, монастыри, с особенным уважением относился к странникам, ходившим по святым местам, к Христу ради юродивым, блаженным, нищим. Это черты нашего национального характера, который, как бы ни вели себя отдельные люди, никогда не утратится. Если бывала какая-нибудь роскошь, это приходило извне, с Востока и особенно Запада. В ней, как писал И.В. Киреевский, «извинялись». Она тревожила совесть. Обычной картиной было, скажем, для русского села – великолепие белокаменного храма и окружающие его более чем скромные деревянные избы. Дело не в камне, а в искусстве, в той любви, которая чувствовалась при взгляде на русский храм, если даже он был и деревянным, – русский плотник своим топором делал чудеса. До сих пор удивляют нас древние деревянные церкви в костромской Берендеевке или в Кижах.

Отчего русские любят свои монастыри? Да по многим причинам. Что такое монастырь, что монашество? Прочтем несколько мест из писем Оптинского старца Макария на эту тему, – он объясняет все кратко и ясно. Итак: «Обиталища сии – не суть изобретение человеческого ума, но Дух Святой, чрез богодухновенных отцев, уставил жительство сие для тех, кои позваны будут от Бога, или из любви к Нему, или ради множества грехов своих»³. «Святые отцы уподобляют монастырь земному раю и благоцветущему вертограду... а монашеский чин – дереву высоколиственному, плодovitейшему, которого корень есть от всех телесных отчуждение, ветви же – беспристрастие души и о еже ни едино имети усвоение (привязанность) вещей, ихже удалися; плод же – добродетелей стяжание и боготворящая любовь и непресецаемое от сих веселие»⁴. «Монастырь есть рай, а потому он есть место молитвы и славословия и другого благоугодного исправления. Сущие во Христе братие суть Ангелы, потому что приемлют жизнь,

---

¹ Все примечания, обозначенные цифровыми индексами, помещены в конце книги на с. 650–698. – *Вып. ред.*

подобную жизни ангельской; а настоятель монастыря занимает место Бога. Следовательно, послушание, которое показывают иночествующие своему настоятелю, относится к Богу»⁵.

Тяжкий гнет татаро-монгольского ига не был бы сброшен, если бы не воспитал себя и потом своих собратий-инок в труде молитвенного самоотречения преподобный Сергей Радонежский, создатель другой Лавры – Свято-Троицкой. Он освятил меч святого благоверного князя Димитрия Донского и послал с ним на битву с войском хана Мамай двух схимников – Ослябю и Пересвета. Если бы не было христианской веры в народе, никакие аскеты и схимники не помогли бы ему победить на Куликовом поле. Он победил. И инок Пересвет своею кровью освятил эту победу.

Тогдашняя обитель преподобного Сергия была весьма бедна: в маленькой деревянной церкви ее были деревянные сосуды и вместо свечей зажигались лучины. Но паломник чувствовал здесь скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил отсюда ободренный и освеженный.

Русский человек не только **получал** здесь духовную пищу, но чувствовал глубоко родственную стихию, сближающую его душу с небом, чего он и в родном доме порой не находил.

С самого начала русской монастырской жизни и до конца XVII века славны и известны были старцы, опытные монастырские духовники, из которых преподобный Сергей был наиболее ярким. Его ученики, разошедшиеся по всей Руси, основали множество обителей, большинство из которых существует и поныне. Спустя век после преподобного Сергия также близ Москвы, в Иосифо-Волоколамском монастыре, подвизался старец-игумен преподобный Иосиф. Он трудился наравне с простыми иноками, но, как писал митрополит Трифон, «воины и воеводы, бояре и вельможи, сановники и князья – все искали возможности видеть его, послушать его сладкой речи, воспользоваться его наставлениями и советами, а многие избирали его себе в духовники»⁶.

В конце XV – начале XVI века одним из самых знаменитых старцев Руси был Нил Сорский. Позднее, в середине XIX века, святитель Игнатий (Брянчанинов), величайший из наставников монашества, считал преподобного Нила своим учителем. «...Мои грешные сочинения, – писал он, – содержат в себе приспособление учения преподобного Нила к современному монашеству»⁷.

Монастырское старчество было столь необходимо русским людям, что и перерыв почти в целое столетие, когда и царь Пётр, и царица Екатерина (оба вошедшие в историю с почетными титулами «Великих») почти разорили монастырскую жизнь, не уничтожил этого святого дела. Господь не дал ему исчезнуть.

Не стали русские монастыри, как желал царь Пётр, больницами, богадельнями и приютами для солдат-инвалидов, а монахи – крестьянами-землепашцами в рясах. А для народа не университеты стали училищами благочестия и лечебницами душ. Не стали учителями жизни ни правители, ни чиновники, ни писатели светские. Народ устремлялся в монашеские обители. И как бы ни были редки и малодоступны в иные времена старцы, люди находили их. Вовсе без старцев-руководителей Господь русского народа не оставлял. Паломники шли на Соловки, плыли на Валаам, посещали Псково-Печерскую обитель, достигали Саровской и Глинской пустыней. Никакие трудности и расстояния не утруждали сильных христианской верой простых, бесхитростных искателей святости. Оптина пустынь была одним из тех заветных святых мест, к которым за хлебом духовным шел ищущий вечного спасения души русский человек.

Глава 1

«Один ее вид умилял сердца»

Протоиерей Сергей Четвериков, духовный писатель (автор жизнеописаний преподобных Амвросия Оптинского и Паисия (Величковского), книги об Оптиной пустыни и других трудов), посещал Оптину в период с 1891 года по 1917-й. Живя в ней подолгу, иногда целое лето, он работал с архивом монастырской библиотеки, среди других дел готовя к изданию письма преподобных Амвросия и Анатолия (Зерцалова). В небольшой его книге «Оптина пустынь» чувствуется трепетная любовь его к этой замечательной обители. Перед краткой историей монастыря, где он следует по времени от одного старца к другому, отец Сергей изобразил весьма теплую и выразительную общую его картину, показал все то, чем он привлекал уже поначалу взоры паломников, – один его вид умилял сердца и привлекал к молитве.

«Оптина пустынь, – пишет отец Сергей, – расположена в двух верстах от небольшого старинного уездного города Козельска, Калужской губернии, на правом берегу не широкой, но глубокой и полноводной реки Жиздры, у опушки огромного векового бора, который в глубину тянется на 30 верст, а в длину идет от знаменитых Брянских лесов

Орловской губернии до столь же знаменитых Муромских лесов Владимирской губернии. Белые монастырские здания и стены и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зеленом фоне сосен и елей. Глубокая тишина леса нарушается лишь шорохом падающей ветки или звуком птичьих голосов. Воздух напоен дивным ароматом. В отдалении живописно раскинулся на холме Козельск, оживляя общую картину, но не нарушая тишины и безмолвия. Откуда бы ни приближался путник к Оптиной пустыни, от Лихвина ли по глухой лесной дороге... или от Калуги по “большаку”, или, наконец, от Козельска лесом по правому берегу Жиздры, или лугом по левому ее берегу, – Оптиная пустынь производит одинаково сильное, глубокое и какое-то умиротворяющее душу впечатление. Обычно богомольцы направляются в Оптину пустынь со станции железной дороги через Козельск лугом по левому берегу Жиздры, которую уже под самым монастырем переезжают на монастырском пароме. Не раз оптинцам советовали заменить паром постоянным мостом для удобства богомольцев, но они упорно хранили свою старину, как бы опасаясь устройством моста уничтожить преграду, отделяющую монастырь от мира. И, несомненно, в этом пароме заключалась какая-то особенная прелесть. Неоднократно подъезжая и подходя к Оптиной пустыни и днем, и поздно вечером, я каждый раз испытывал одно и то же ощущение. Прежде всего, с наслаждением чувствуешь, что оторвался от городской, суетливой, духовно бесплодной и утомительной жизни. Всею грудью вдыхаешь чистый, легкий, ароматный луговой воздух, напоенный благоуханием трав и цветов, любишься открывающимися перед тобою далями и видами, раскинувшимся над тобою необъятным небесным сводом, ночью усыпанным яркими, прекрасными звездами, которых в городе почти никогда не видишь. Чем ближе подъезжаешь к монастырю, тем силь-

нее охватывает душу особое чувство: словно открывается дверь в XIV и XV век, и оттуда веет старинною, благочестивою Русью, словно души древних подвижников и молитвенников и их тихие кельи раскрывают перед вами свой внутренний мир. Экипаж тихо спускается к реке, и мы поджидаем паром, который медленно перегоняется с противоположной стороны реки монахом-паромщиком. Осторожно и медленно, привычным шагом, всходят кони на паром, громко стуча по доскам копытами. Монах приветливо здоровается с прибывшими и берет благословение у священника. Ямщик сходит с облучка, разминает застывшие ноги и помогает паромщику тянуть канат. Они уже давно знакомы между собою и обмениваются друг с другом словами. Река тихо плещется у парома. Всплескивает рыба. Слышатся привычные речи о глубине реки и о ее рыбном богатстве. Проходит момент, и паром тихо ударяет в монастырский берег. Ямщик и паромщик закрепляют паром, монах отодвигает заграждающее бревно, ямщик садится на свое место, подбирает вожжи, и экипаж быстро въезжает на высокий берег. Направо стоит сторожка паромщика, а у самой дороги столб с укрепленной на нем иконой Богоматери, имени которой посвящена обитель. Обогнув яблоневый сад и повернув направо, ямщик подвозит нас к ближайшей гостинице... <...> По деревянной лестнице, покрытой чистой дорожкой, мы поднимаемся во второй этаж, где нам отводят номер, уютно обставленный старинною разнокалиберною мебелью, с иконами в киотах в переднем углу, с теплящеюся перед ними лампадою, с видами святой обители по стенам, с цветами в окошках, с кроватями, покрытыми чистым и свежим бельем, с запахом ладана, кипариса, хлеба и постных щей. Если мы приезжаем поздно вечером, отец Михаил приглашает нас не вставать к заутрене, которая начинается в час ночи. Мы, однако, слышим сквозь сон звон будильного колокольчика и слова монаха: «Пению – время, молитве – час»... <...>

Часов в девять утра идем к поздней обедне. По широкой каменной лестнице мы поднимаемся к Святым вратам под колокольною, минуя находящуюся на лестнице по правую сторону монастырскую лавочку, запертую в часы богослужения. В окне лавочки выставлен портрет старца иеросхимонаха Амвросия, почивающего в гробу, написанный красками в натуральную величину, и так живо, что у окна всегда собирается группа богомольцев, удивляющаяся натуральности изображения. Пройдя Святые врата, мы входим в монастырский двор и прямо перед собою видим главный монастырский храм во имя Введения во храм Божией Матери. <...>

Как и все в Оптиной пустыни, он носит на себе печать скромности и простоты. Неспешно, но и без утомительной медлительности, чинно и строго совершается богослужение. <...>

Направо от храма Введения Богородицы находится зимний храм во имя Казанской иконы Божией Матери, в котором погребены бывшие настоятели Оптиной пустыни... Налево от Введенского храма находится храм в честь преподобной Марии Египетской, в котором ежедневно служатся ранние обедни. Впереди Введенского храма, к востоку от него, находится храм в честь Владимирской иконы Божией Матери. В этом храме день и ночь читается зауспокойная Псалтирь и устроено несколько келий для братии. Все пространство между названными четырьмя храмами занято братским кладбищем, которое можно назвать надгробною летописью монастыря. <...> За кладбищем к юго-востоку виден небольшой одноэтажный деревянный домик настоятеля пустыни. <...>

Далее, вдоль монастырских стен тянутся корпуса монастырских зданий, в которых помещаются трапезная, маистерская и келии монастырских братий. Весь монастырь окружен выделенною кирпичною оградой с башнями по углам... <...>

Через восточные ворота мы выходим в чашу окружающего Оптину пустынь леса и по узенькой дорожке, проходящей между огромными соснами, доходим до скита во имя Усекновения главы святого Иоанна Предтечи... <...> Переступив порог Святых врат, мы сразу проникаем в мир особенного глубокого безмолвия, как будто бы здесь, за этим порогом, нет ни одной живой души человеческой. В то же время нас поражает богатство разнообразных цветов, которые широкими лентами тянутся вдоль всех дорожек скита... <...> Мы идем к неболь-

шой деревянной церковке, стоящей прямо против Святых врат. Церковь эта отличается особенно простотою. В сенях стоит ведро со свежою, чистою водою и около него кружка. <...> Внутри скит имеет следующее расположение. Направо от Святых врат находится знаменитая келья старца иеросхимонаха Амвросия. Это – небольшой домик, выходящий окнами в цветник. <...> Такой же точно домик находится и по левую сторону от Святых врат, и в нем обычно проживали начальники скита... По всему скиту между деревьями разбросаны другие небольшие домики... <...> В конце скита находится небольшой пруд с кое-какой рыбой, а дальше – пчельник. Литургия в скиту совершается только по субботам, воскресеньям и праздникам, в остальные же дни только вечернее правило. Братьям предоставляется совершать молитвенное правило по своим кельям. Здесь же, в скитской ограде, находится и братское кладбище скитян.

Таковы внешний вид и расположение Оптиной пустыни и принадлежащего к ней Иоанно-Предтеченского скита. Прибавим еще, что этот монастырь как бы притиснут огромным, густым и тенистым лесом к берегу Жиздры, на противоположной стороне которой расстилается ровный, светлый и веселый луг. В Оптином лесу имеется неисчерпаемое богатство разного сорта грибов и ягод, особенно земляники и брусники, протекает источник железистой воды и имеется сернистый Пафнутиевский колодезь, при котором устроен бассейн, где купаются богомольцы. В Оптином лесу водятся и волки, которые по зимам иногда появляются около самого монастыря»⁸.

Теперь, когда читатель хотя и бегло, но познакомился с расположением Оптиной пустыни и ее скита, как бы приехав сюда вместе с протоиереем Сергием Четвериковым, перейдем собственно к истории любимой в России обители, к истории, складывавшейся трудно, но давшей столь благодатные плоды в период существования в ней старчества. Господи, благослови.

Глава 2

Дом Пресвятой Богородицы

Оптина пустынь, расположенная рядом с Козельском, не могла, конечно, остаться в стороне от происходивших здесь исторических событий. А история этого, некогда пограничного, места была бурной и часто жестокой.

Козельск, уже в XIII веке город немалый, подвергся в 1238 году семинедельной осаде многотысячным войском Батыя. Захватчики заваливали рвы хворостом, делали подкопы, метали особыми машинами горшки с зажженным жиром. Приступы врага следовали один за другим, но козельцы бились храбро и не сдавались. Мало того – они вдруг вышли из города и напали на стан осаждающих, уничтожили метательные машины и перебили до четырех тысяч татар. До сих пор вблизи сельца Клыкова высится курган, насыпанный над убитыми воинами Батыя. Город все же был взят: слишком неравны были силы. Но Батый прозвал его Мольбугузуном, то есть «злым городом», так как подобного сопротивления он еще не встречал.

В Ипатьевской (Костромской) летописи Козельск упоминается под 1146 годом – ранее Москвы. Первым козельским удельным князем был Мстислав, убитый в сражении с татарами на реке Калке в 1224 году. В начале XV века город подпал под власть Литвы и в течение двух веков переходил от Москвы к Литве и обратно, а в Смутное время, вместе с Калугой, присягнул на верность самозванцу. В 1610 году Козельск подвергся полному разорению и ограблению от «черкас», как называли тогда запорожцев, которых пришло сюда около сорока тысяч.

После Смутного времени, при царе Михаиле Феодоровиче, по всем границам Руси начали строить засеки – лесные укрепленные линии. Засака представляла собой толстую деревянную стену со рвом перед ней, с бойницами, башнями и кое-где воротами. При ней были пограничные вооруженные отряды. Засака Козельского уезда выходила за его пределы и тянулась лесами на триста верст. Не однажды удавалось сдерживать здесь орды крымских татар, порой прорывавшихся и доходивших до Москвы. Этот-то лес и стоит за Оптиной пустынью – древний, могучий, преисполненный тишины и благоухания.

Существуют два предания о возникновении Оптиной пустыни. Первое гласит, что основал ее раскаявшийся в своих преступлениях предводитель шайки разбойников Опта. А разбойников и в самом деле было тогда немало, – они таились в дебрях близ засек, выходя оттуда по ночам на свой промысел. Второе же – о том, что некогда эта обитель (как и некоторые другие на Руси) служила для одновременного проживания здесь как иноков, так и инокинь: монастырь разделен был на две части. То есть тут была жизнь «оптом».

Архимандрит Леонид (Кавелин), автор «Исторического описания Козельской Введенской Оптиной пустыни» (после первого – 1847 года – издания, переиздававшегося несколько раз с дополнениями), был сторонником первого предания. Он писал: «Подробности благодатного обращения и последующей за сим жизни отшельника Опты, по неведомым судьбам Божиим, навсегда сокрыты от нашей любознательности; однако для любомудрствующего духовно, несомненно, что, обратясь на путь истины, он соделал и плоды достойные покаяния, ибо из предводителей шайки душегубцев Господь Бог взыскал его в вождя и наставника душ, ищущих спасения. Можно предполагать и то, что он благоугодил пред Господом, ибо благословение Божие не оскудевало и не оскудевает доселе над основанною им обителью.

Не более как 70 верст разделяют Козельскую Введенскую Оптину пустынь от другой обители, столько же древней и равным образом носящей имя Оптиной (Орловской епархии города Волхова Оптин Троицкий монастырь); почему с большою вероятностью можно предположить, что обе эти обители имеют одного и того же основателя.

Признав же отшельника Опту за основателя обеих сих обителей, совершающих уже четвертое столетие со времени своей известности, мы приходим к заключению, что сей пустынножитель пожил немалое время после своего благодатного обращения и, подвизаясь подвигом добрым, восходя от силы в силу, от славы в славу, успел, до исхода своего в вечность, благоустроить и усовершенить основанные им пустыни. В которой из них преставился и погребен отшельник Опта, это, к сожалению, утаено от нас так же, как и другие подробности богоугодной его жизни после обращения. А может быть, рука Промысла с намерением скрыла от людей это обстоятельство, чтобы уменьшением внешней славы здесь соделать блистательнее подвижнический венец его в Небесном Царстве.

Можно предполагать, что Опта при пострижении в монашество был наречен Макарием, почему и пустынь его (в которой, вероятно, он сам и был первым настоятелем) удержала за собою название Макарьевой Оптиной. В древних письменных актах обыкновенно писалось: «Макарьевы пустыни Оптина монастыря». Введенского же пустынь сия начала именоваться только с начала нынешнего столетия (XIX, – *Сост.*), хотя по письменным сведениям еще в 1629 году был уже в ней храм во имя Введения Пресвятой Богородицы. Впрочем, название Оптиной пустыни Макарьевой, по другому предположению, объясняется и иначе: в «Истории Российской иерархии» (том 5 под литерой М) упоминается о храме святого Макария как о главном храме обители, а Введенская церковь показана состоящею на воротах. Но на чем основано это показание, не знаем. По крайней мере, известно, что со времени первых удовлетворительных сведений о состоянии пустыни, то есть с 1629 года и до 1864 года, в ней не было ни храма, ни придела во имя преподобного Макария»⁹.

Другой историк Оптиной пустыни, бывший письмоводитель преподобного Амвросия иеромонах Ераст (Вытропский), книга которого вышла из печати в 1902 году, не соглашается признавать Опту основателем обители; он ссылается на странность этого имени, но допускает, что на Руси существовали и существуют монастыри, основанные «бывшими грабителями, обратившимися ко Христу»¹⁰.

Странность виделась ему еще и в том, что в Волхове, в 70 верстах от Оптиной, существует монастырь с подобным же наименованием. Для читателя же более убедительным казалось второе объяснение, оговоренное обоими историками, – о том, что на Руси были некогда общие для старцев и стариц обители. Например, тот же Волховский Оптин до Смутного времени звался Общим монастырем. Такое жительство запрещено было лишь в 1499 году Московским духовным собором. Сохранились и древние синодики, в которых попеременно поминались насельники и насельницы. Можно вспомнить и Покровский Хотьков монастырь, где подвизались в иноческом образе родители преподобного Сергия – Кирилл и Мария, старец и старица.

Почти нет сведений об Оптиной пустыни за Смутное время, за весь вообще XVII век. Ясно одно: во время всех войн, потрясавших эту землю, как и город Козельск, как и крестьянские деревни в округе, вероятно, не раз страдала и обитель. Из разрозненных сведений можно отметить следующее. Под 1625 годом упоминается оптинский игумен Сергей. Из писцовых книг видно, что в 1629–1631 годах монастырь имел только одну деревянную церковь и шесть келий. 15 июля 1680 года царь Федор Алексеевич пожаловал «Козельского уезда Макарьевой пустыни Оптина монастыря строителя старца Исидора с братиею против их челобитья те пустые посадские дворовые семь мест велели им под огороды, под овощ дать в дачу»¹¹.

«Оптина пустынь, – пишет иеромонах Ераст, – не имевшая заботы о вотчинах, принуждена была жить подаянием. Окрестные владельцы не оставляли ее без внимания. Так, вместо деревянной церкви, стоящей целое столетие, в 1689 году начато построение каменного соборного храма во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы с приделом преподобного Пафнутия Боровского»¹².

К 1703 году Оптиная пустынь имела лишь следующий небольшой доход, которым жила братия: с мельницы на речке Другусне – 35 рублей в год; с рыбной ловли на Жиздре – 16 рублей; за перевоз через Жиздру против монастыря – 10 рублей; с земли, что «на колодези», – 20 рублей; с огородных мест, что в Козельске, – 3 рубля и с сенных покосов – 16 рублей в год. Однако из этого мельница, рыбная ловля и перевоз были отобраны в казну и возвращены лишь в 1802 году. К 1709 году в Оптиной 16 насельников. В сохранившемся списке значатся: игумен Дорофей, казначей Сергей, иеромонахи Пафнутий, Иосиф и Моисей, иеродиакон Софроний, монахи Николай, Манассия, Никандр, Панкратий, Исаия, Иларион и Варсонофий, трудники Никита, Иван и Михаил.

Введенский собор, начавший строиться в 1689 году, еще к 1717 году стоял без крыши. Оптинский игумен Леонид обратился к вкладчикам с прошением. «...Прошу и молю, – писал он, – со многим усердием вашего благородия и любви, в дом Пресвятыя Богородицы прежних вкладчиков и новоподательных всяких чинов людей, на ту святую Божию церковь – на кровлю, что та святая церковь отгнила кровлю, и ограда опала и кельи развалились. Пожалейте нас, не оставьте сирых своих богомольцев, заставьте за себя вечно Бога молить и родителей своих поминать, потому что у нас ни вотчин, ни крестьян нет, питаемся мирским подаянием, кто что пожалует»¹³.

В 1724 году Оптиная пустынь была закрыта, а братия переведена в Белёвский Преображенский монастырь. Однако благодаря хлопотам как иеромонахов упраздненной обители, так и их козельских покровителей, в особенности стольника Андрея Шепелева, сына его Никиты, капитан-лейтенанта лейб-гвардии Преображенского полка, и козельского воеводы Григория Ардашева, монастырь был восстановлен летом 1727 года.

Но что же увидела братия на месте своего монастыря, возвратившись из Белёва? Совсем пустое место, на котором лишь Введенский храм стоял, да и у него протекала кровля... Ведь при закрытии всё, даже ограда, разобрано было и увезено. Лошадь, корова, заготовленное сено, зерно, а также церковная утварь и книги и многое другое – все осталось в Белёве, и возвратить это не представлялось возможным. Но «крайне скудное положение обители тронуло сердца окрестных бояр, и, как видно из вкладной книги, довольно значительные лица приняли участие в судьбе ее, каковы, например, генерал-майор и гофмаршал Дмитрий Андреевич Шепелев – пожаловал в обитель годовую пропорцию хлеба; брат его, лейб-гвардии Семёновского полка майор Степан Андреевич Шепелев (на церковную утварь), – пять рублей; князь И.М. Черкасский, генерал-майор Н.М. Желябужский, тайный советник Беклемишев, полковники П.Д. Бестужев-Рюмин и Кошелев, лейб-гвардии лейтенант Чичерин, коллежский прокурор Камынин, заводчики братья Пётр, Александр и Григорий Баташевы и многие “всякого чина люди” способствовали обновлению обители по мере своих средств и усердия, жертвуя кто деньгами на церковь, кто хлебом на прокормление братии»¹⁴.

Шли годы. Общими трудами братии и жертвователей Оптиная пустынь строилась. По описи 1762 года в ней значатся соборная каменная церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы с двумя приделами – Пафнутия Боровского и великомученика Феодора Стратилата. Службы долгое время шли в приделе преподобного Пафнутия, так как главный храм и другой придел внутри не были отделаны. Деревянная колокольня «на столпах», на ней пять колоколов (построена в 1761 году). Трое ворот, деревянная ограда, келия игумена и три келии для братии, хлебня, конный двор, амбар и два сарая.

С 1764 года Оптиная пустынь «за штатом», то есть не получает никакого содержания, а живет как придется. Господь посылал жертвователей. Кроме ранее названных, это были бояре Пушкины, Яковлевы, Румянцевы, Полонские, Хлоповы, Нарышкины. Девица Елизавета Никитична Шепелева пожертвовала на устройство иконостаса во Введенском храме 800 рублей, а на возведение каменной колокольни – 250. Кроме того, она поставила комплект для ризницы и всю утварь для храма.

В 1769 году воздвигнута была каменная колокольня и начата постройка каменной ограды. При этом, кроме игумена, в обители находились только три брата, из них один – отец Карион, девяностолетний слепец. Близилось краткое время царствования одного из благочестивейших русских государей – Павла Петровича, который по своем воцарении в 1796 году обратил внимание на бедственное положение большинства русских монастырей, поставленных предыдущим правлением в такие условия, что им ничего не оставалось, как постепенно угасать.

Глава 3

Первые настоятели

В конце XVIII века Калужская провинция входила в состав Московской губернии. Следовательно, Козельск и Оптиная пустынь относились к Московской епархии. Митрополит Платон (Лёвшин) имел титул Московского и Калужского. Однако это длилось недолго: в 1799 году уже была образована самостоятельная Калужская епархия. За год до воцарения на Российском престоле Императора Павла произошло событие, положившее начало не просто возрождению Оптиной пустыни, а ее коренному пересозданию.

Митрополит Платон (1737–1812), один из образованнейших иерархов Русской Православной Церкви, не только молитвенник и аскет по своей жизни, но и блестящий «московский Златоуст», воспитатель и друг Павла I, проявил много заботы о монастырях своей огромной епархии. Ранее немало их было закрыто, а иные бедствовали подобно Оптиной пустыни. Митрополит делал для них все, что было в его силах. Посетив Козельск и осмотрев его храмы, владыка решил взглянуть на Оптинский монастырь. Местоположение его показалось ему прекрасным, – быть бы здесь целой Лавре, ведь вокруг на десятки верст нет другого монастыря, а край населен был весьма плотно.

Владыка сначала поручил строителю Пешношского монастыря архимандриту Макарию († 1811) взять Оптину пустынь под свою опеку (а тот уже опекал в епархии шесть обителей) и «учредить ее к лучшему» (отец Макарий был известен как аскет-подвижник, он имел переписку с отцом Паисием (Величковским)). Затем назначил пешношского иеромонаха Иосифа строителем (управляющим) обедневшей обители. Одновременно был переведен сюда из Перемышльского Лютикова монастыря иеромонах Сергей, на которого была возложена забота о возобновлении службы.

Спустя год иеромонах Иосиф по болезни уволился от настоятельской должности¹⁵. Узнав об этом, митрополит Платон призвал пешношского игумена и попросил его дать в Оптину «для ее устройства совершенно способного и вполне благонадежного человека». Архимандрит Макарий подумал-подумал и ответил: «Да у меня нет таких, владыка святейший... А вот разве дать тебе огородника Авраамия?». Преосвященный почувствовал в такой оговорке нечто такое, что вызвало у него желание увидеть своими глазами этого огородника. Пришлось отцу Авраамиию побывать в Москве у митрополита. Тщетно он ставил на вид свои немощи, говоря, что такое назначение выше его сил. Он не был стар. Владыка назначил его настоятелем Оптиной пустыни¹⁶.

И вот он здесь. Впоследствии он рассказывал, что в Оптиной бедность была крайняя: «Не было полотенца рук обтирать служащему, а помочь горю и скудости было нечем. Я плакал да молился, молился да плакал...». Через два месяца, не видя ниоткуда помощи, отец Авраамий отправился в Пешношский монастырь и излил свою скорбь старцу, архимандриту Макарию. Что же тот предпринял? Помня просьбу к нему преосвященного Платона не оставлять Оптину в беде, он велел запрячь свою тележку, взял с собой отца Авраамия и поехал по знакомым ему помещикам, жившим в округе. «Они, – вспоминал отец Авраамий, – в короткое время... снабдили меня всем необходимым, так что я привез в монастырь воза два разных вещей. Возвратясь со сбору, старец пригласил меня отслужить с собою, а после служения и общей трапезы, совершенно неожиданно для всех, обратился к своему братству с такими словами: “Отцы и братия! Кто из вас пожелает ехать с отцом Авраамием для устройства вверенной ему обители, я не только не препятствую, но и с любовью благословляю на сие благое дело”»¹⁷.

Несколько братьев и трудников вызвались перейти в Оптину, и таким образом монастырь неожиданно населился и укрепился свежими силами. В дальнейшем, помня этот поступок

настоятеля Макария, отец Авраамий и сам помогал таким же образом другим монастырям. Так, он впоследствии отпустил с иеромонахом Макарием в Малоярославец, в Николаевский монастырь, около четырнадцати братьев, а с отцом Мефодием в тот же монастырь и с отцом Корнилием в Тихонову пустынь по десять человек.

Преосвященный Платон продолжал опекать Оптину. Получив от отца Авраамия жалобу на воровство и бесчинства окрестных жителей, он обратился к Калужскому губернатору А.Д. Облеухову с просьбой навести порядок вокруг монастыря и призвать жителей Козельска и деревень к «хранению должного благоговения к обители». Между тем дал братии Оптиной мудрый духовный совет: «Святая монашеская жизнь все сии напасти или отвратит, или терпением препобедит, а Бог, видя терпение рабов Своих, невидимо защитит»¹⁸. Получив же известие о желании одного из помещиков, поручика Ф.И. Рахманинова, «на свой кошт» соорудить новый иконостас с иконами, владыка наложил следующую резолюцию на прошении о дозволении сего: «Бог благословит! Се видите, что иные вас оскорбляют, а других Бог возбуждает к вашему утешению»¹⁹.

В декабре 1796 года Император Павел Петрович начал свое царствование и уже в следующем году приступил к отмене разрушительных для монастырей указов. В декабре 1797 года вследствие Высочайшего указа Оптина (как и другие обители) получила в «милостивое подавание на вечные времена» по 300 рублей в год. Даны были Оптиной пустыни мельница на реке Сосенной и пруд для рыбной ловли.

В 1799 году, как нами уже было отмечено, была образована Калужская епархия. Преосвященный Феофилакт, назначенный на эту кафедру, видя труды отца Авраамия по поднятию духовной жизни в Оптиной, поручил ему в 1800 году восстановить на средства, предоставленные купцом Целибеевым, пришедший в упадок Малоярославецкий монастырь. Устроив эту обитель, отец Авраамий предложил туда на должность строителя одного из оптинских насельников, иеромонаха Мефодия, после которого там игуменское место занял оптинский же инок Парфений. Так что Оптина пустынь, едва окрепнув, начала оказывать живительное действие на другие святые обители: Тихонову Калужскую, Лихвинский Добрый монастырь. Одно время отец Авраамий был настоятелем двух монастырей сразу: Доброго и Оптиной. Когда миновала надобность в его опеке над Добрым монастырем, отец Авраамий, уже в сане игумена, сосредоточил свои труды, по благословению епископа, лишь на одной Оптиной.

При отце Авраамии к 1804 году закончено было строительство трехъярусной колокольни с каменными братскими келиями с обеих ее сторон. В 1811 году завершено было строительство Казанского собора и больничной церкви с шестью при ней келиями. Появилась при нем и каменная с деревянным мезонином братская трапеза (и точно такого же вида настоятельский корпус). На территории обители между храмами и корпусами келий разведен был жившим в обители помещиком Алексеем Прокофьевичем Татищевым великолепный фруктовый сад.

По прошению игумена Авраамия, поданному 21 июля 1808 года, братия Оптиной с семи монашествующих (вместе с настоятелем, как и положено было по штату) была увеличена до тридцати, не считая трудников. Государь Александр Павлович подписал 18 января 1809 года указ Синода об этом. Деятельность игумена Авраамия вызывала искреннее уважение Калужских преосвященных, сменявших друг друга на этой кафедре владык Феофилакты, Евлампия и Евгения. Напомним, что епископ Евгений (Болховитинов; 1767–1837; на своей последней кафедре митрополит Киевский и Галицкий) был выдающимся духовным писателем, археографом, знатоком древних церковных рукописей, глубочайшей духовной жизни человеком.

В 1812 году после Бородинского сражения фельдмаршал Кутузов объявил, что не допустит войск Наполеона до Калуги, куда те рвались после оставления сожженной ими Москвы. Калужские власти твердо поверили слову главнокомандующего и не стали принимать никаких мер к сохранению имущества. Но оптинский игумен Авраамий все же кое-что предпринял: он упаковал в ящики церковную утварь, ризницу и библиотеку и приискал в дремучем лесу,

в пятнадцать верстах от Оптиной, большую пещеру, которую и приготовили для временного пребывания имущества и братии в случае прихода врага в Козельск. Кутузов сдержал свое слово и разбил французов под Малоярославцем. Наполеон вынужден был уходить из России по Смоленской дороге, уже ограбленной им же, уходить путем отчаяния и гибели.

На третий день после битвы под Малоярославцем, то есть 14 октября, в Оптиной пустыни совершено было благодарственное с коленопреклонением молебствие, которое заключено было крестным ходом вокруг обители при огромном стечении народа.

Спустя три года здоровье игумена Авраамия пошатнулось настолько, что он попросился на покой с проживанием в Оптиной, где он мог бы как скромный инок довольствоваться трапезою, одеждою и обувью, а также дровами для келии. Преосвященный Евгений, однако, не отпустил его на покой. Скончался игумен Авраамий 14 января 1817 года. Надпись на его гробнице гласила: «Под сим камнем погребено убогое тело многогрешного черноризца игумена Авраамия, которому от рождения своего 58 лет, и во оной пустыни был настоятелем 20 лет и 3 месяца...»²⁰.

«Как начальник братства, им самим собранного, – пишет историк обители, – о[тец] Авраамий был строг и взыскателен, но отнюдь не своенравен. Введя в обновленной им обители новый порядок примерной, нестяжательной жизни, он был строгий блюститель его и, опираясь на личный пример, требовал точного исполнения своих приказаний и распоряжений в делах общежития. Посредников он не терпел: каждый из иноков в нуждах своих обязан был относиться прямо к нему, за что особенно и любила его братия. <...> Все калужские архипастыри удостоивали его особенного своего благоволения и доверенности и часто представляли в пример другим Авраамия и его обитель»²¹.

В феврале того же 1817 года была составлена опись личного имущества игумена Авраамия. Вот все, что он имел: «Крест серебряный с финифтью. Наличный параман, шитый золотом и шелком, в рамке. Параман с крестом деревянным. Образа: Спасителя, сидящего на Престоле. Спаса Нерукотворенного. Николая Чудотворца. Епитрахиль келейная гарнитуровая. Книги: Молитвенник. “Добротолюбие” в трех частях. Следованная Псалтирь. Служебник. Последование на день Святыя Пасхи и на всю седмицу. Вещи: портрет архимандрита Николаевского Песношского монастыря Макария. Очки зеленого стекла в серебряной оправе. Часы в серебряном футляре... [Хрустальная] кружка... Камилавка с клобуком фланелевым. Камилавка пуховая. Шапка хорьковая. Два кушака шелковых поношенных. Муфта плисовая на лисьем меху. Кошелек шелковый вязаный. Два бумажника кожаных. Рукавицы оленьи и шерстяные вязанки. Три пары шерстяных чулок. Сапоги козловые поношенные и туфли. Три сорочки, три ручника и три носовых платка. Кожаный пояс. Подрясник полусаржевый. Ряса такая же. Другая ряса плисовая черная на лисьем меху. Подушка и войлок, и одеяло бумажное. Зеркало. Гребенка. Ножницы. <...> Счеты. Щетка. Оселок. Молоток. Деревянный игольник. <...> Шило. Огниво. Железная лопатка и деревянные грабли»²².

Игуменом Оптиной пустыни после отца Авраамия стал его верный помощник иеромонах Маркелл, бывший с 1812 года отцом экономом. Но через два года он был перемещен в Тихонову пустынь. Настоятелем Оптиной назначен был эконом калужского архиепископского дома игумен Даниил. При нем построено было каменное здание братской трапезы (1822) и введен устав Коневского монастыря (1824). Бывший тогда епископом Калужским и Боровским преосвященный Филарет (Амфитеатров) писал в своей грамоте, данной обители по этому поводу: «Богоспасаемой Калужской епархии Козельской Введенской пустыни настоятель игумен Даниил, со всею во Христе братиею, во время посещения нами сей святой обители, лета 1824 года августа 28 дня, представили нам прошение следующего содержания: вспоминая данные ими пред алтарем Господа нашего Иисуса Христа и Церковию Его святою обеты провоздвигать постническое по Бозе житие во всякой трезвенности, целомудрии, нестяжательности,

послушании и взаимной друг ко другу любви евангельской, в надежде получить от Господа Царствие Небесное, обетованное любящим Его и работающим Ему всем сердцем в хранении святых Его заповедей, по примеру преподобных отец, установивших правила общежительных монастырей, имеют они искреннее и единоедушное желание исполнять устав общежительного монастыря, писанный для Коневской обители, Святейшим Правительствующим Синодом рассмотренный и для подражания во все епархии Российской Церкви разосланный. Почему, призвав в помощь Господа и Спасителя нашего, да сила Его совершится в немощах их, просили нас благословить их намерение и для введения означенного устава в Козельской Оптиной пустыни снабдить их архиерейскою нашею грамотою. Имея пастырское попечение о благоустройстве сей обители, по местному своему положению весьма способной к монашескому житию, вручили мы вышеозначенный устав, яко душеспасительный, игумену Даниилу при всей братии в соборной Введения во храм Пресвятыя Девы Матери Божией церкви, для всегдашнего хранения изложенных в нем правил как в обители, так и в устроенном при ней, по благословению нашему, от доброхотных христолюбивых подателей ските, для желающих провождать безмолвную жизнь»²³.

Преосвященный Филарет (Амфитеатров) был истинный аскет и подвижник, он всюду поддерживал высокие духовные начала и умел внушить любовь к ним. Часто бывая в Оптиной пустыни, он проводил здесь иногда по целой седмице. Его душе близка была жизнь уединенная и безмолвная, но, так как Господь поставил его на высокую кафедру для воспитания других, он и старался создать для монахов условия, необходимые для настоящей молитвы, для подвижнической духовной жизни. С этой целью он устроил скит близ Оптиной пустыни. Прежде чем начать повествование об истории создания Иоанно-Предтеченского скита, мы вернемся на некоторое время назад, чтобы рассмотреть, кто именно, какие иноки были участниками построения этого святого, впоследствии столь знаменитого своими духоносными старцами места.

Глава 4

Пустынники Рославльских лесов

Лес Козельской засеки, где находилась Оптиная пустынь, тянулся так далеко, что достигал Смоленской губернии, Брянских (или Брынских – от села Брынь) лесов. Так и называли иногда эти леса: Брянские (ближе к Оптиной – Жиздринские). Они тянулись непрерывной полосой.

Около семидесяти лет (с середины XVIII века до 1820-1830-х годов) в Брянских лесах существовало православное пустынножительство. Здесь жили удивительные по чистоте и неприхотливости жизни отшельники. Гонения на монастыри, проходившие под видом борьбы с беспорядками в них, начатые Императором Петром I и продолжавшиеся при Императрицах Анне Иоанновне и Екатерине Алексеевне, привели к тому, что в них начал быстро угасать молитвенный и вообще монашеский дух. Вместо иноков обители зачастую наполнялись больными и увечными солдатами. Пострижение сделалось весьма редким и труднодостижимым. Во многих монастырях не оставалось порой никого, кроме престарелых, доживающих свой век священно-иноков, не имевших сил совершать богослужения. Бывало такое положение и в Оптиной пустыни. Настоятели сменялись слишком часто.

«Последствия показали, – писал автор жизнеописания преподобного Моисея Оптинского иеромонах Ювеналий (Половцев), будущий архиепископ Литовский, – как мало соответствовали эти распоряжения настроению народного духа. При общем вызванном ими упадке монастырей в русском народе в то время крепко держалось усердие к монашеской жизни, которое, надеемся, и не иссякнет, пока будет существовать православная Русь. Любителей монашеской жизни было много во всех сословиях, но так как в тогдашних монастырях они не находили себе места или не могли удовлетвориться тогдашней жизнью монастырской, то многие из них удалялись из России в Афонские и Молдавские монастыри, а другие укрывались в лесах»²⁴.

Далее отец Ювеналий пишет: «Сохранились отрывочные сведения, что в то время появились пустынножители в разных местностях России. Так, например, известно, что настоятель Миголовской, или Миголовской, пустыни (Новгородской губернии) Марк по упразднении этой обители и обращении ее в приходскую церковь удалился на пустынный остров и там подвизался до конца своей жизни в безмолвном уединении. Пришлось нам слышать, что в конце прошедшего и в начале нынешнего столетия были пустытники в Тверской губернии (Зубцовском уезде), в Вологодской и в других губерниях, но особенно пустынножительство в те времена усилилось в лесах Брянских, Жиздринских и Рославльских, покрывающих северо-западный угол Орловской губернии, западную часть Калужской и юго-восточную Смоленской губернии»²⁵.

Здесь в XVI веке вел подвижническую жизнь преподобный Герасим Болдинский. Затем, при Императоре Петре I, жил инок Серапион. Преподобный Феодор Санаксарский до вступления в Площанскую обитель подвизался неподалеку от нее в лесной хижине, построенной пустынножителями до него; сохранилось имя лишь одного из них – монаха Ефрема. Иеромонах Иоасаф, один из настоятелей Площанской пустыни, был вызван на эту должность из отшельнической жизни в лесу, куда он по прошествии нескольких лет удалился снова... В 1775 году иеромонах Адриан также вышел из Площанской пустыни и поселился в Брянских лесах с другим монахом и двумя послушниками. Свою пустыньку они поставили близ другой, где доживал свой век старец отшельник Варнава. При отце Адриане подвизался в лесу будущий старец Василиск, духовный отец и наставник преподобного Зосимы (Верховского), с которым он впоследствии переселился на остров Коневец, где настоятелем монастыря стал бывший пустынножитель отец Адриан. Отсюда старец Василиск и отец Зосима отправились в Сибирь для пустынной жизни в тайге. Жизнь в лесах не была безопасной. Отшельников тре-

вожили то полиция, то разбойники. Так, старец Варнава был разбойниками убит. Тем не менее пустынножителей со временем становилось все больше.

Коневской настоятель – бывший отшельник – отец Адриан часто посещал лесных подвижников, гостя у них иной раз по несколько недель. В первые два десятилетия XIX века в этих местах пребывали отцы Досифей, Дорофей, Мелхиседек, Селевкий, Феофилакт, Илия, Сергей, Матфей, Арсений, Георгий, Софроний, Афанасий. Их келии находились в разных местах леса и по возможности труднодоступных для посторонних. Иеросхимонах Афанасий некогда прибыл в Оптину пустынь вместе с отцом Авраамием из Пешношского монастыря, – здесь он и был пострижен. Имея склонность к безмолвной отшельнической жизни, он задумал ехать на Святую гору Афон и уже получил увольнение, как услышал о пустынножителях Рославльских лесов. Он не поехал на Афон, а поселился в этих лесах. Было это около 1805 года. Весной 1811 года прибыл к отцу Афанасию и стал его послушником рясофорный инок Тимофей Иванович Путилов (будущий архимандрит Моисей, преподобный старец, настоятель Оптиной), постриженный в рясофор в Свенском монастыре в июле 1809 года.

Тимофей, происходивший из купеческой семьи, родился в 1782 году в городе Борисоглебске. Он с братом Ионой провел уже некоторое время в Саровском монастыре и потом был послушником в Орловском Свенском, где много слышал о подвижниках Рославльских лесов. «Когда я пришел в Рославльские леса, – рассказывал преподобный Моисей, – тамошние пустынники жили в трех келиях: в одной иеросхимонах отец Афанасий, от него в версте отец Досифей, а в версте от него отец Дорофей, который впоследствии (после 1812 года) переселился ближе к нам, поставив себе келию от нашей сажень в пятидесяти (сажень = 2,18 м, – *Сост.*). Поселясь с отцом Афанасием, я построил для него и для себя новую келию: это был первый опыт моего зодчества. Келия имела шесть аршин (аршин = 0,71 м, – *Сост.*) в квадрате, с крыльцом, под навесом; прихожая в два аршина длины и два ширины, далее квадратная комната в четыре аршина в длину и ширину, ибо от нее была отгорожена перегородкою спальня, шириной, также как и прихожая, в два аршина; между прихожей и спальней в углу находилась печка, которую нагревалась вся келия. <...>

Под самую нашу келию протекала лесная речка Болдачёвка, а в полутора верстах впадала в нее речка Фроловка. На берегу ее был колодезь; в речке этой важивалась и рыба. <...>

Всю церковную службу мы правили каждодневно у себя в келии, начиная с двенадцати часов ночи, полунощницу и утреню; после утрени, через час, соборный акафист Божией Матери; после акафиста, часа через два, часы с изобразительными и, наконец, вечерню часов в пять вечера. В воскресные и праздничные дни приходили к службе ближайшие старцы: отец Досифей, отец Дорофей, а иногда кто-либо из других Рославльских пустынников, живших в большем расстоянии от нас. Отправляя вместе службу, пообедаем, что Бог послал, и разойдемся до следующего праздника.

На Пасху же и на Рождество и в другие нарочитые праздники приходил из ближайшего села Лугов (верстах в семи) старец-священник и приобщал нас запасными Дарами, дабы и мы не были лишены сего духовного утешения.

В свободное от молитвенных правил время занимались рукоделием, кто какое умел: писали полууставом отеческие книги²⁶, занимались огородом, на котором, впрочем, по неблагоприятной почве, не родилось других овощей, кроме репы. Летом собирали грибы, ягоды и усердствовали благодетелям, а от них получали печеный хлеб, крупу, а иногда и бутылочку масла для приправы пустынной трапезы. А когда случится недостаток, питались и сухоядением, дорожа всего более духовной свободой и безмолвием. Волки постоянно были около нас в продолжение целой зимы, но мы уже привыкли к их вою, как бы к вою ветра; а медведи иногда обижали нас, расхищая наши огороды. Мы их видели весьма близко и часто слышали, как они ломали по лесу деревья, но никогда они нас не трогали, и мы жили с ними в мире. И от разбойников помиловал нас Бог, хотя и часто слышали, что они бродят у нас в околоте.

Впрочем, нас нелегко было найти, да и нечем было им у нас пожить. <...> Но страшнее разбойников бывали для нас порывистые бури, ломавшие вековые деревья и грозившие задавить нас. Однажды обрушилось огромное дерево подле самой нашей келии с таким треском, что я уже думал – вот настала последняя минута; но и тут помиловал нас Господь, – оно лишь ветвями задело крышу. Но страшен и самый рев бури в вековом бору, когда она ходит по нем и, как трости, ломает то, что росло целые столетия»²⁷.

В 1816 году к брату в Рославльские леса прибыл Александр Путилов, будущий преподобный схиигумен Оптинский Антоний²⁸. Осенью того же года братья были на богомолье в Киеве. Видели там, в пещерах, Императора Александра Павловича, слушавшего обедню. На обратном пути посетили Софрониеву пустынь, единоверческий Максаковский монастырь, Глинскую пустынь. В Площанской пустыни познакомились с отцом Макарием, будущим преподобным Оптиным старцем. Побывав еще в Белобережском и Свенском монастырях, братья вернулись в свою лесную пустыньку.

«В 1819 году, – писал преподобный Моисей, – [мы] ездили вдвоем с братом в Оптину пустынь на одной лошадке. Причем познакомились с тамошними старцами иеросхимонахом Иеремиею (духовником обители), отцом Феофаном и учеником его Варлаамом (в схиме Василианом).

Впрочем, отца Феофана мы уже знали: он еще прежде приходил к нам в пустыню погостить, а в этот раз сказал, что придет провести весь Великий пост у нас. <...> Отец Феофан... жил первоначально в Софрониевой пустыни, а потом ушел в Молдавию, где пребывал у старца Паисия, а по кончине его возвратился в Россию и поступил в братство Оптиной пустыни в 1800 году.

В крайнем нестяжании и кротости духа, деятельную добродетель поста, молитвы и поклонов он проходил с горячею ревностью. В продолжение первой и последней седмицы Великого поста не вкушал ничего; в прочие посты принимал пищу на третий день. Так, приготовляясь постепенно, он, по ревности к подвигам постническим, решился, наконец, вступить в великую меру вышеестественного подвига»²⁹.

Преподобный Антоний Оптинский говорил, что этот старец при жизни имел столь сияющее благодатью лицо, что недоставало духу смотреть ему прямо в глаза, а разве украдкой, когда взглянешь со стороны.

Отец Феофан весной 1819 года простудился, проболел три месяца и скончался. Из Свенского монастыря прибыл иеромонах Смарагд с иеродиаконем. Сошлись все пустынники, сделали дубовый гроб, отпели и погребли подвижника 23 августа в лесу. На другой день, 24-го, был отцом Афанасием пострижен келейно в мантию отец Тимофей с именем Моисей, в честь преподобного Моисея Мурина.

2 февраля 1820 года, на праздник Сретения Господня, иеросхимонах Афанасий постриг, также келейно, и Александра Путилова в иноческий образ, назвав Антонием. Восприимным отцом его от Евангелия был его старший брат отец Моисей. С этой поры и до конца жизни отец Антоний ничего не предпринимал без его благословения. Как-то, будучи в отлучке по делам, отец Моисей писал брату: «...в каких я бедствиях был, следуя своей воле! Почему, как любезному другу тебе накрепко подтверждаю и принять за заповедь Божию, а не человеческую, советую, чтобы ты ни от какого положенного на тебя дела не отрицался и ни на что сам не назывался, и когда сие сохранишь совершенно, то и в тягчайших трудностях благополучие увидишь, и меня помянешь добрым словом. Когда же ты чего прилежно сам искать будешь или отрекаться, то, поверь, во всю свою жизнь горько сожалеть будешь. Я тебе сие не от разума, но от опыта, и опыта примерного, пишу как другу любезному»³⁰.

Дневниковая запись от 16 ноября 1819 года говорит об очень серьезном отношении отца Моисея к духовному окормлению брата: «По духовном беседовании с братом А. о пользе души

усмотрел после в мысли своей за необходимо нужное помнить следующее: не начинать никогда говорить брату о пользе души и о всяком исправлении, также и не выслушивать объяснения его без обращения прежде ко Господу ума своего с требованием себе и брату Его вразумления, и говорить потом с воображением присутствия Божия. По беседе же, с обеих сторон, должны паки обратиться ко Христу Спасителю и помолиться о помощи Его во исполнение Евангелия и всеблаготворения Его, каковую могли выразуметь при собеседовании нашем. Да не в праздности будет совещание наше»³¹.

Отец Ювеналий пишет, что старец Афанасий имел довольно много рукописных книг, – это были святоотеческие творения, переведенные преподобным Паисием с греческого языка на церковнославянский. Отец Моисей, пользуясь этими сокровищами, составил вместе с братом ряд рукописных книг, в которых изложены были в последовательности правила христианского жития. Это были сборники: 1) О подвижничестве иноков. В трех книгах; 2) О покаянии и спасении души. В трех книгах; 3) Уединенные поучения. В двух книгах; 4) Душевная пища для всегдашнего употребления.

Из благоговения к духовным текстам отцы Моисей и Антоний работали с ними только стоя, устроив себе соответствующие конторки.

«Брат Александр поживает со мною, благодарение Богу, мирно, – писал 20 сентября 1819 года отец Моисей иеромонаху Исаии, – и проходит свое звание рачительно, дай Бог за Ваши молитвы удержать ему до конца теперешнее устроение. От всего попечения свободен, упражняется только в правиле, чтении и писании книжек»³².

Иеромонах Климент (Зедергольм) в своей книге о преподобном старце Оптинском Антонии писал, что, живя с братом в Рославльских лесах, он подвизался с необыкновенным усердием и «нес такие подвиги, которые в наше слабое время многим могут показаться невероятными. Вставая в полночь, он с братом ежедневно вычитывал вдвоем всю церковную службу по богослужебным книгам, без малейшего опущения. Еще в детстве Александр, постоянно и усердно посещая храм Божий, хорошо узнал порядок церковной службы и имел особенную склонность и способность к изучению церковного устава. Теперь же, ежедневно в продолжение многих лет практикою, он так в этом усовершенствовался и сделался таким отличным уставщиком, что в этом отношении нелегко было найти ему равного. Затем трудился в переписке отеческих книг уставом и помогал брату в составлении нескольких рукописных сборников... <...> Около 18 часов в сутки он часто проводил на ногах и в несколько лет так утрудил ноги, что в них впоследствии развилась мучительная болезнь, которая не оставляла его до смерти.

Сверх этих келейных занятий Александр, как младший член отшельнической семьи, с горячим произволением и великою ревностью проходил другие, более тяжкие послушания. На него была возложена обязанность будильщика, так что он должен был вставать раньше всех, чтобы полуношное келейное молитвословие начинать неупустительно в свое время. На его же обязанности лежало рубить дрова в окружавшем их лесу и переносить их в келии; на его же попечении был и огород... <...>

В великие праздничные дни все старцы собирались в келию к отцу Афанасию на общее келейное богослужение. По окончании богослужения вместе обедали, иногда подкрепляли изможденные многолетними подвигами силы свои чаем или, за неимением его, какою-нибудь травкою, а молодому Александру, как новонаначальному, в первое время и в этом был отказ»³³.

Преподобный Антоний писал о начале своей монашеской жизни: «Когда возгорелся огонь Божественной любви в моем сердце, тогда все суеты мирские омерзели и богатство опостылело, и так, как птица из сети или яко елень, томимый жаждою, удалился я из Ростова, бегая, и водворился в непроходимой пустыне, с чаянием себе от Господа спасения от малодушия и

от обуравания многих грехов. Себя самого отдал я в полное и безвозвратное распоряжение батюшке отцу Моисею, о чем, благодарение Господу Богу, после ни разу не скорбел»³⁴.

Отец Климент писал, что преподобный Антоний «даже в старости живо вспоминал... как старшие лица во время своего отдыха, бывало, посылали его как новоначального работать в огород и как порою он изнемогал тут и телом и духом. Вообще старец его, отец Моисей, обходился с ним весьма строго. Проспит ли Александр и других не вовремя разбудит к полунощнице, – по окончании службы его, как нерадивого будильщика, ставили на поклоны. В другом ли чем провинится, опять на поклоны»³⁵. Чистил отец Антоний отхожие места. Собирал по дорогам навоз для удобрения огорода. Поначалу впадал он даже в тоску, но потом стал почти постоянно чувствовать в душе отрадное спокойствие, иногда даже восторг какой-то, блаженное беспечалие, – это были плоды послушания.

В конце 1820 года окружное земское начальство стало беспокоить рославльских отшельников, мешая их мирной жизни. Старцы стали даже подумывать о перемене места своих пустынноческих подвигов. Часто гостивший у них оптинский монах Вассиан указывал им на леса близ Оптиной. Им эти места были известны. Они молились и ждали, что Господь скажет.

В это время отец Моисей послан был в Москву по какому-то неотложному делу. На обратном пути навестил в Оптиной отца Вассиана. Как позднее стало известно, Калужский архипастырь владыка Филарет³⁶ тогда же обдумывал заронившуюся в его душу мысль о создании при Оптиной скита – в прекрасных окружающих ее лесах. Скит по образу древних: место, где ничто не нарушало бы безмолвного жительства иноков, желающих подвизаться в сугубом духовном подвиге. Святитель не раз уже беседовал об этом с настоятелем обители отцом Даниилом, выражая желание видеть в качестве устроителей такого скита подвижников Рославльских лесов. Поэтому, когда в Оптиной появился отец Моисей, игумен Даниил повез его в Калугу к владыке Филарету, который принял молодого пустытника весьма милостиво. Все это хотя и явилось для отца Моисея неожиданностью, он поражен был совпадением желаний архипастыря и лесных старцев. Вернувшись в пустынь, он передал отцу Афанасию письмо преосвященного Филарета:

«Преподобный отец Афанасий,
возлюбленный о Господе брате!

Брат ваш, а мой сын по духу схимонах Вассиан возвестил мне, что вы имеете желание, для удобнейшего прохождения подвигов монашеской жизни, избрать себе и с единомышленниками вам братиями уединенное место при Введенской Оптиной пустыни. То же самое подтвердил и отец Моисей, бывший у меня проездом в Москву. Таковое желание ваше, считая особенною милостию Божиею к моему недостойнству, я готов принять вас и других пустынножителей, которых вы с собой взять заблагорассудите, со всею моею любовью. Я вам позволяю в монастырских дачах избрать для себя место, какое вам угодно будет, для безмолвного и отшельнического жития, по примеру древних святых отцев пустынножителей. Келии для вас будут изготовлены, как скоро вы изъявите свое на то согласие. От монастырских послушаний вы совершенно будете свободны; уверяю вас пастырским словом, что я употреблю все мое попечение, чтоб вас упокоивать. Любя от юности моей от всей моей души монашеское житие, я буду находить истинную радость в духовном с вами собеседовании»³⁷.

Рославльские пустынники, собравшись на общий совет, решили последовать приглашению владыки Филарета. Отцу Моисею было поручено написать ответ на письмо архипастыря. «По возвращении моем до своего жилища, – писал он преосвященному, – когда письмо Вашего Преосвященства вручил я отцу Афанасию и братиям, сожительствующим со мною, все подробно объяснил, какие можно иметь выгоды душевные и безопасность в уединенной жизни при обители, под покровительством Вашего Преосвященства, они все то приняли с радостью и объявили себя со мною совершенно согласными. Итак, когда воля Вашего Преосвященства

о принятии нас на уединенную жизнь есть такова же, как благоволили объявить, то я, нижайший с братьями моими теперь, единодушно возложившись на волю и Промысл Отца Небесного, осмеливаюсь решительно припасть к Святительским стопам Вашим и всеусерднейше просить... дозволить заняться благодетелю нашему Димитрию Васильевичу Брюзгину³⁸ нужным приуготовлением для скита»³⁹.

Отец Афанасий 1 апреля 1821 года писал владыке Филарету: «Когда Бог благоволит положить начало основанию скита и привести оный в совершенство, желательно, чтобы ничем не причинять неудовольствия обители, чтобы была взаимная поддержка и духовный соблюдался союз любви; а для того два главных средства: 1) чтобы скит, ежели только возможно, имел бы особое содержание посредством боголюбивых душ, не нанося стужения обители о потребностях, и самим, что в силах будем, поделывать, как то: огородный овощ сажать и рукодельем, каким кто может, по временам от уныния заниматься, уповая наипаче на Промысл, что Он не лишит нужного продовольствия; когда же случится избыток в чем – отдавать в обитель, а недостаток, сколько можно, понести терпением. Второе: нужно к общей тишине не допускать входить в скит мирских лиц, любопытством побуждаемых, иначе не можно иметь безмолвия; из обители же братьям по нужде приходиться с благословения начальника в субботу или воскресенье, а прочие бы пять дней пребывать в совершенном от всех безмолвии.

На таковом учреждении, паче же на Вашем Архипастырском милосердии уповаем пользоваться отшельнической жизнью, на которую, когда решительно поступит собрат наш отец Моисей с присными своими братьями и со старцем, то с любовью и я последую за ними; только признаюсь, Ваше Преосвященство, в немощи моей, что я не могу вместить иеромонашеской должности и начальнической, а согласен быть наравне с монашествующими»⁴⁰.

Преосвященный отвечал на это: «Душевно я порадовался, что Господь Иисус Христос вложил в сердце ваше благую мысль о водворении вас с братиею в Оптиной обители.

По желанию вашему я препоручил отцу игумену Даниилу отвести приличное и весьма удобное для скитской жизни место на монастырской пасеке и дозволил усердному благодетелю, купцу Брюзгину, строить кельи. Когда вы с братией прибудете к нам, тогда формальным образом учредим и правила для скитского жития по мыслям вашим и духу святых пустынножителей. Безмолвие ваше ограждено будет»⁴¹.

Рославльские старцы отцы Афанасий и Досифей все же решили пока остаться в лесной пустыне (как и некоторые братья с ними), но по их благословению отцы Моисей и Антоний и с ними монахи Иларий, Савватий и послушник Иван Дранкин 3 июня 1821 года выехали в Оптину пустынь. Отсюда братья-иноки Моисей и Антоний поспешили в Калугу к владыке Филарету. Он рад был тому, что Господь исполняет его желание о построении скита и благословил пустынников положить начало сему благому делу.

Глава 5

Построение Предтечева скита

Сергей Нилус в своей книге «Святыня под спудом» привел запись из находившейся в оптинском архиве «Памятной записки о скончавшихся и погребенных в Богохранимой обители и в ските святого Иоанна Предтечи, находящемся при оной»: «30 апреля 1815 года, пополудни в 4 часа скончался схимонах Иоанникий на 55 году от рождения. В монастырь поступил из пономарей Жиздринаского уезда села Толстошеева в 1802 году; пострижен в мантию 1806 года марта 29-го, а в схиму в 1810-м в апреле месяце. В послушании трудился при пасеке, бывшей в монастырском лесу. При сей пасеке уединенная его келия послужила первым основанием уединенной жизни, ибо на сем самом месте в 1819 (на самом деле в 1821.– *Сост.*) году построен ныне существующий скит, и даже доселе соблюдена в целости попечением настоятеля та самая деревянная келия, в которой жил схимонах Иоанникий. В иноческих подвигах преуспевал, в особенности послушанием, тихостью и кротостью с блаженной простотою и незлобием; имел нелицемерную любовь к настоятелю, игумену Авраамии, и ко всей о Христе братии; к церкви Божией притекал первый и исходил последний. По добром подвиге о спасении души своей почил блаженно о Господе с напутствием всех потребных для вечной жизни Таинств. Тело погребено 2 мая в воскресный день. Многие из окрестных жителей память его доселе почитают служением на его могиле панихид о упокоении его души»⁴².

Через несколько дней после этого прибыл в Оптину из Площанской пустыни иеродиакон Палладий. Первое его послушание здесь было – трудиться на пасеке. Поселился он в келии покойного схимонаха Иоанникия. Жизнь в одинокой келии в полуверсте от монастыря была не так проста. Архимандрит Леонид пишет, что он «много перенес искушений от бесов, так что хотел было оставить это место»⁴³. Впоследствии отец Палладий проходил и другие послушания – повара, хлебопека, трапезника, пономаря, библиотекаря, изучил переплетное ремесло... «Во всю свою жизнь отец Палладий избегал праздности, – писал отец Леонид, – постоянно у него в руках было какое-нибудь дело. “За праздным монахом, – говаривал он, – десятки бесов ходят, а за тем, кто занят рукодельем, один”»⁴⁴. Он имел твердый характер и простой нрав, позволявший ему делать замечания другим инокам за какие-нибудь неисправности. «Да! – говорил он, – Это не хорошо, не по-монашески. Да! Монах должен быть осторожен. Монах есть свет для мирян, а тебе все равно. Да!»⁴⁵.

Отец Палладий был пострижен в монашество 13 мая 1818 года. В мае 1831 года рукоположен в иеродиакона. Когда в Оптину пустынь пришел старец Макарий, отец Палладий встретил его с особенной радостью, так как был ему издавна товарищем в Площанской пустыни. «На общем послушании, – рассказывал он, – мы с отцом Макарием ходили в лапотках. Нам выдавали лыки, и я сам плел лапти для себя и для отца Макария». Нестяжание отца Палладия было удивительное. Из вещей и одежды было у него лишь самое необходимое. Книги свои он записал в библиотеку обители. Если кто давал ему денег, он с неделю искушался: «Палладий нанялся жать чужое терние...» – твердил он. Будучи простого нрава, всем без разбору говорил «ты». В 1830-х годах довелось ему пожить в Петербурге, куда по вызову Калужского архиерея послали его экономом на подворье. Там он по простоте, видно, обошелся на «ты» с какой-то важной особой, которая пожаловалась владыке. Тот, выговаривая отцу Палладию, пригрозил сослать его «под начал» на Валаам. Отец Палладий пал на колени и сказал: «Владыко святой! Явите свою отеческую милость! Сошлите! По гроб буду молить Бога за вас». Владыка усмехнулся: «Я хотел волка утратить лесом, а волка как ни корми, он все в лес глядит». И отправил монаха назад, в Оптину.

Одно время он был в Оптиной ризничим. Как-то приехали в обитель из Калуги директор гимназии и ректор семинарии, осмотрели ризницу и спросили: нет ли в монастыре каких-нибудь древностей? Отец Палладий ни слова не говоря привел их в трапезную и там, в преддверии, остановился перед большой картиной Страшного суда. Указав прямо на сатану, он сказал: «Вот это у нас самая старая древность, древнее ее нет. Его еще древние отцы называли древнею злобою». Картина написана была в 1721 году.

На все он смотрел духовным взором. Любил в ясную ночь смотреть на звезды, годовое положение которых знал. «Ну, где эта звезда была целые полгода? – удивлялся он, – А вот опять явилась и опять уйдет в свое место. Как все у Бога блюдет свой чин!». Еще он говорил: «Подивись премудрости Божией, как Господь все устроил, всему повелевает и все слушает Его; только человек вышел из повиновения». Удивляется он каждому растению, как оно растет незаметно, как появляются листья, а потом и цветы... и прославляет Творца всего. Отец Палладий скончался в 1861 году. Таков был один из насельников будущего скита.

План скита был составлен игуменом Даниилом и отцом Моисеем. Преосвященный Филарет 31 июня того же года утвердил его: «По сему начертанию строить скит да благословит Господь Бог и благодатию Своею да поможет совершить!». Игумену Даниилу владыка писал: «Для строения скита представили мне пустынножители план, который я подписанием своим и утвердил. Прошу покорно отвести им по их и нашему избранию место; Господь да благословит начать им доброе и угодное Ему делание; пусть они трудятся в очистке места. Ежели готовы материалы, то я благословляю обеими руками строиться, – прежде келии, а потом прочее нужное. Я буду к вам в начале Успенского поста на целую неделю говеть. Приятно бы для меня было, ежели бы до того времени они построились.

До решительного положения полных правил жития их прошу вас теперь же сделать: 1) братьям воспретить к ним вход без вашего дозволения и не в назначенное время; 2) женскому полу совершенно возбранить туда вход и 3) другим мирским людям не иначе позволять, как с согласия их старца; 4) во всем, где можно помочь им в построении без отягощения монастыря, не откажите; 5) запретите строго рубить всякой лес около сего скита, дабы навсегда он был закрыт»⁴⁶.

И вот началась работа. «Из срубленного на месте леса скитяне, – пишет отец Ювеналий, – выстроили себе на первый раз небольшую келию на юго-западной стороне и жили в ней все пятеро вместе, общежительно. Потом обнесли все расчищенное место досчатым забором и, наконец, приступили с благословения Преосвященного к построению скитской церкви во имя Собора святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. По воле Архипастыря этой церкви присвоивалось название “домовой для архиерейского приезда”, вследствие чего и предполагено было строить западную часть ее по домовому расположению»⁴⁷.

16 августа 1821 года после ранней обедни игумен Даниил пришел в скит, где его уже ожидали новые его насельники, и, положив вместе со всеми три земных поклона на том месте, где предстояло быть возведенной церкви, сказал: «Да будет на месте сем благословение святых пустыни Иордановы и всех там безмолвствовавших!». Потом он взял заступ и начал рыть траншею для фундамента. 18 числа совершен был малый крестный ход из обители в скит, без звона, во главе с игуменом Даниилом, здесь – молебен с водосвятием. Так заложен был храм. В основание его, под престолом, положена была частица мошей святого и славного Пророка, Крестителя и Предтечи Господня Иоанна. А в следующем году козельский помещик Иван Петрович Анисимов пожертвовал в скитскую церковь образ святого Иоанна Предтечи, родовой, благословение ему от родителей, – древний, темный. Скитяне с благоговением приняли его, но положили в ризнице – до времени, так как храм внутри не был еще отделан. Через полгода И.П. Анисимов приезжает и говорит, что в нынешнюю ночь явился ему во сне Иоанн Креститель и строго сказал, чтобы он позаботился о его иконе, которая лежит в темном месте. Братия немедленно устроила эту икону на аналое. Впоследствии на этот образ кем-то пожертвована

была сребропозлащенная риза и он помещен был над Царскими вратами рядом с иконой Знамения Божией Матери.

Владыка Филарет имел такую мысль, «чтобы со временем, – как он говорил, – обрести себе здесь же покой от служения епархиального и посвятить себя подвигу иноческому»⁴⁸.

Что касается келии покойного отца Иоанникия, то вот ее история от основания скита. В Летописи скита в июле 1845 года записано: «В начале сего июля оправлена деревянная малая ветхая келия, находящаяся возле озера, от церкви на северной стороне; сделан под нее вновь каменный фундамент, и обита тесом и покрыта черепицею с пристроенным для поклажи дров навесом. Эта келия соблюдается донныне попечением настоятеля отца игумена Моисея; она служит памятником начального основания уединенного на сем месте жительства приснопамятного и многими уважаемого схимонаха Иоанникия, который, в сей келии живши при малой пасеке добродетельно и кротко, скончался в 1815 году и погребен в Оптиной, в северной колоннаде соборного храма Введенского (ныне сие место [вошло] внутрь придела преподобного Пафнутия). В начале основания скита в 1821 году келия сия по ветхости была в забвении, а бывший тогда настоятелем игумен Даниил назначил было употребить ее на дрова для выжegi извести, но отец Моисей (в то время еще бывший простым монахом и основателем скита), желая соблюсти ее для памяти, просил о том благодетеля козельского гражданина Дмитрия Васильевича Брюзгина – усердного к памяти схимонаха Иоанникия, а Брюзгин пожертвовал игумену вместо этой келпи нужное количество дров, чем и убедил оставить ее; она прежде стояла возле скитских Святых ворот, а в 1833 году перенесена на теперешнее место, и с того года живет в ней больной отец Диомид. В сентябре оштукатурены внутри стены, и печь новая»⁴⁹.

Конечно, многого не хватало, и вот отец Моисей отправился для сбора средств в Москву. Через шесть месяцев церковь была готова. Владыка благословил игумену Даниилу антиминс и приказал новый храм освятить «по чиноположению Оптиной Введенской пустыни», что и было исполнено 4 февраля 1822 года. Много разной утвари и икон привез из Москвы для скитского храма отец Моисей. Тогда пожертвованы были скиту и две иконы, ставшие весьма чтимыми здесь, – Знамения Пресвятой Богородицы и святого Иоанна Предтечи.

Первым скитона начальником назначен был отец Моисей. Началась пустынножизненная подвижническая жизнь Оптинского Иоанно-Предтеченского скита. Поселился здесь как скитянин и схимонах Вассиан (Гаврилов), с усердием участвовавший в трудах по расчистке места под скит. Он был выкуплен из крепостного состояния Александром Дмитриевичем Брюзгиным и в 1814 году поступил в Оптину пустынь. В 1818 году был пострижен в мантию, а в 1820-м в схиму. Был великий постник и молчальник. Скончался после тридцатилетней уединенной жизни в скиту в 1857 году в возрасте около ста лет. В его в целом весьма подвижнической жизни было одно большое искушение – он никак не мог признать пользы старчества.

В начале 1822 года преосвященный Филарет посетил Оптину пустынь. На просьбу отца Моисея о пострижении в схиму он ответил отказом, так как предназначал его для другого служения – для управления скитом, а затем и монастырем. Владыка Филарет признал келейный постриг отца Моисея, совершенный в Рославльских лесах, но для порядка представил запрос об этом в Синод. После положительного ответа владыка благословил отцу Моисею носить монашескую мантию. После этого преосвященный предложил отцу Моисею принять сан священства. Тот, желая быть простым монахом-пустынником, долго отказывался, но вынужден был уступить, когда услышал от владыки: «Если ты не согласишься, то буду судиться с тобою на Страшном суде Господнем». 22 декабря 1822 года отец Моисей был рукоположен в иеродиакона, а 25 числа в иеромонаха. Вместе с тем он, скитона начальник, был назначен и духовником Оптиной пустыни.

«Теперь мы занимаемся сажанием и сеянием», – писал отец Моисей своим родным. Это были труды по разведению в скиту плодовых и ягодных деревьев и кустарников, а также цветов. Отец Моисей собственноручно посеял кедровые орехи, из которых выросло со временем

несколько прекрасных деревьев. На восточной стороне скита, на ручье, выкопано было два пруда. Скит принимал тот вид, какой был у него все последующее время.

Отец Моисей писал 24 июня 1823 года брату иеромонаху Исаии в Саровскую пустынь: «О себе вам донесу, что мы все, благодарение Богу, живы. Летнее время копались в земле, сажали кое-что и охорашивали новое местечко свое. Как-то рассеянное находимся противу зимнего времени. Однако со всем тем, благодарение Богу, за местопребывание свое довольны. Владыка наш (епископ Филарет, – *Сост.*) и отец игумен весьма покровительствуют жилище наше и дают приятную свободу пользоваться уединением беспрепятственно. Недавно получен указ из Святейшего Синода в Калугу, что Архипастырь наш по нежеланию его на высшую степень оставляется в епархии Калужской навсегда, что всех премного утешило и успокоило. За сие и мы порадовались и благодарили Бога. В священнослужении помогает мне теперь отец Гавриил Валаамский, который подал прошение о определении себя в здешнюю пустынь и принял благословение от Владыки находиться у нас в скиту, старец очень добрый и опытный по жизни монашеской»⁵⁰.

Усерднейшим помощником отца Моисея в его трудах был его брат Антоний. Он трудился наравне с наемными рабочими и замещал брата во время его отсутствия, поездок для сбора средств в Москву. 24 августа 1823 года отец Антоний был рукоположен во иеродиакона, а в 1825-м, по назначении отца Моисея настоятелем Оптиной пустыни, был назначен скито-начальником. В этой должности он пробыл четырнадцать лет.

Сохранилось несколько листков дневника отца Антония за 1820–1824 годы. Вот некоторые отрывки. Еще в Рославльских лесах он писал: «При объяснении старцу (отцу Афанасию, – *Сост.*) о страховании услышал, что беси и над свиньями власти не имеют. <...>

Во время утрени приходило желание мне – с благословения сделать сокращенную выписку из Последования монашеского пострижения ради повседневного напоминания себе противу забвения и, в случае погрешностей каких, ради укорения себя и исповедания пред отцем, на что и благословение получил. <...>

Во время утрени приходило желание – старца попросить, чтоб он за всякую погрешность меня чем ни есть наказывал ради сих вин: 1) чтобы настоящим наказанием избежать будущего, 2) чтобы оным себя предохранить от такового же грехопадения в другое время. <...>

Пивши горячую воду, почувствовал себя весьма много схожим с горьким пьяницею. О, дабы избавил меня Господь от употребления сея, за молитвы отца моего. <...>

Старец после обеда говорил братьям о послушании, и в пример сказал, что служебные духи, сирень Ангели, по естеству своему суть благие, но и те исполняют не свою, но Божию волю: кольми паче человеку должно находиться в повиновении.

За случившуюся недогадливость был я объят унынием и увидел, что тогда только я нахожусь в истинном о себе мнении, когда худую о себе имею мысль; а когда добрую, то в прелести бываю»⁵¹.

Дневник продолжен был в Иоанно-Предтеченском скиту в декабре 1823 года (числа не означены): «По самочинию сделал для себя из веревки четки без благословения старца (то есть брата, отца Моисея. – *Сост.*) и, увидя свою ошибку, бросил оные в печь, яко дело бесовское. Помысл мне в то же время сказал: хотя бы ты и добродетель какую начал самочинно, без совета и благословения старца, считай все это дело бесовским.

Готовился сегодня к священнослужению и приобщению Христовых Таин, но за бесстыдную гордость и лукавство в исповедании грехов был старцем моим до священно-служения не допущен, дондеже совесть свою очищу истинным исповеданием без утаения пред ним своих грехов. Исповедавшись пред ним во всем чистосердечно со смирением, я чаял себе за лукавство жестокого наказания, но сбылись на мне святого Давида слова: *Накажет мя праведник милостию*. Ибо весьма кротко и с соболезнованием обо мне выговоры мне он делал и, в заключение всего сказанного мне, велел написать на сердце ко всегдашнему памятованию и деланию

следующие 8 пунктов: 1) отвержение своего разума и воли иметь; 2) при встрече с каждым лицом поставлять себя худшим, в каком бы то месте ни было; 3) память смерти вкоренять в сердце глубже; 4) самоукорение; 5) смиренную молитву всегда иметь; 6) укоризну, аще случится от кого, принимать как врачевство душевное; 7) что сказано будет, в точности выполнять; 8) аще случится от забвения или от обычая в чем-либо паки погрешить, исповедовать то чистосердечно, как есть, без лукавства. И я батюшку со слезами просил, чтобы он от Бога испросил мне паче всего ко хранению самое последнее из осьми сказанных мне, то есть чистосердечное исповедание, ибо я оно почти во всю жизнь мою никогда не имел. <...>

Прочитавши после утрени правило к святому приобщению, ходил к старцу исповедать свои погрешности, что я от застарелого во мне обычая всегда на исповеди всё утаиваю свои дурные поступки. Он мне на это сказал: телесное око не терпит и малейшей порошинки в себя принять; так и совесть чем-нибудь замаравши, не можно молитвы коснуться.

Назад тому с неделю батюшка дал мне заповедь: сам ни о чем не любопытствуй да и других праздных рассказов не слушай, смиренно сказавши им: я не имею на сие благословения от старца. <...>

Вечером батюшке объяснял, что недостатки братния невольным образом сердцу приносят огорчение. И на это услышал от него: я всех вас недостатки сношу великодушно и никаким немощам вашим не удивляюсь; а ежели бы всем тем огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсем бы себя давно расстроил. <...>

Батюшка присылал ко мне брата, чтобы, оставя все занятие, шел я скорее к вечерне, а я хотел окончить дело и тем самым до крайности огорчил батюшку, так что и самому было совестно. Я ожидал себе за непослушание жестокого выговора и епитимии, а вместо того получил кроткий выговор да еще яблоко в утешение. Господи, огради мя от подобного злодейства бесовского, за молитвы отца моего духовного!»⁵².

Первым старцем в скиту и был отец Моисей. Его духовная опытность была уже так очевидна, что, несмотря на его молодость, владыка Филарет прочил его в настоятели монастыря. Еще в 1824 году владыка писал игумену Даниилу: «Очень знаю и чувствую, что тебе нужен добрый, твердый и опытный помощник, и я бы крайне хотел, чтобы согласился быть таковым боголюбезный брат отец Моисей, так чтобы и обитель и скит были *единое неразрывное*, что и весьма нужно для утверждения навсегда скита. Поговорите с ним, вместе прочитавши сие мое послание, и ежели нужным найдете, то чтобы он ко мне приехал для личного собеседования»⁵³.

Отец Моисей в январе 1825 года был в Москве для сбора подаяния на скит. Едва приступил он к делу, как прибыл из Оптиной нарочный на монастырских лошадях с письмом от настоятеля обители. Игумен Даниил извещал его о том, что по указу от 28 января сего года преосвященный Филарет перемещен Синодом на Рязанскую кафедру, а он, игумен Даниил, – в должность настоятеля Лихвинского Покровского монастыря в сане архимандрита и с поручением не оставлять по обязанности благочинного смотреть за порядками и исполнением вновь введенного Коневского устава в Оптиной пустыни. «Извещаю тебя, – писал он, – возлюбленный о Господе брате и друже, и предлагаю о сем: призвав Господа Бога в теплых молитвах своих в помощь, со мною, недостойным, вся Христова братия единодушно предположили: согласно с соизволением боголюбезного архипастыря и отца нашего, богоспасаемую обитель Оптину со скитом поручить тебе во управление и настоятельство... Дабы скорее ты, как возможно, поспешил прибыть в обитель, посылаю я, с согласия всей братии, которая нетерпеливо и душевно ожидает тебя, сего нарочного на своих лошадях; советую все дела твои оставить и самые неоконченные тобою сборы; и, ничего с собою не брав, как можно во всем себя облегчить и все нужное препоручить братцу своему, сесть и приехать прямо в Калугу и явиться к владыке, где и я должен тебя ожидать».

Отец Моисей принял по описи все монастырское имущество при братии и членах Козельского Духовного правления, о чем и донес Консистории 21 марта того же 1825 года. Вступив-

ший на Калужскую кафедру преосвященный Григорий (Постников) утвердил отца Моисея в должности строителя Оптиной пустыни 12 сентября 1826 года.

«О себе донесу, – писал отец Моисей брату в Саров 24 марта 1825 года, – что я по Указу Духовной Консистории в прошлую субботу Лазареву принял во управление Оптину пустынь по случаю произведения отца игумена нашего во архимандрита в другой монастырь здешней же епархии, называемый Добрый. Поручение сие сделано мне впредь до имеющего быть нового Архипастыря, а братия желают, чтобы я совершенно был утвержден в начальстве. Но как угодно Богу, так и буди. Я чувствую великую паче силы моя трудность в управлении обителию и братством, тем более, что братия порасстроены и обитель много должна. Но убежден был сделать послушание нашему бывшему Владыке, который при отъезде своем на Рязанскую епархию завещал мне именем Господа Иисуса не отзываясь принять обитель. Что я и исполнил.

Прошу Ваших святых молитв в подкрепление моих немощных сил душевных и телесных. Брата Антония я оставил в скиту, а сам перешел в монастырь»⁵⁴.

Начальником скита назначен был отец Антоний. Он оставался в полном послушании у старца – брата своего. Вот как записано его имя в помяннике отца Антония: «Помяни, Господи, господина моего, духовного отца и благодетеля всечестнейшего строителя иеромонаха Моисея».

Каков был к этому времени скит – об этом рассказывает очевидец, знакомый и со скитом, и с отцом Антонием с юных лет. Его рассказ приводит в своей книге об отце Антонии иеромонах Климент: «Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором воспоминаю и теперь с благоговением и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их, и вообще какое-то чувство присутствия благодати невольно заставляло забывать все, что есть вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратностей его. С каким умирительным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита отец Антоний, было тихое, стройное и вместе с тем величественное и правильное, подобного которому после того я нигде уже не слышал... В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное... Что ж сказать о тех возделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита отцом Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал»⁵⁵.

«При духовном процветании, – пишет отец Климент, – новоустроенному скиту и его первоначальным обитателям приходилось бороться с большими внешними трудностями и лишениями, особенно в первое время. По малочисленности братства сам начальник исполнял многие братские послушания. Почасту доводилось ему оставаться без келейника, так как назначенный его келейник был вместе с тем и поваром, и хлебопек, и садовником, и привратником. “Как самый бедный бобыль, – писал отец Антоний в 1832 году одному родственнику, – живу в келье один: сам и по воду, сам и по дрова... Чином священства почтенных теперь у нас в скиту собралось пять человек; но все они престарелы и многонемощны, почему и тяготу служения за всех несу один”. С основания скитской церкви заведено было в ней непрерываемое чтение Псалтири. Отец Антоний и в то время, когда уже был начальником, читал обыкновенно по две очереди и самые трудные часы: то есть днем 1-й и 2-й часы, когда все братия отдыхали, и ночью 11-й и 12-й, – вообще в сутки бывал на ногах до 18 часов. <...>

Помещение начальника скита в первые годы было при церкви, в тесной передней келейке, где впоследствии помещался пономарь. Вообще жизнь в скиту в то время была весьма строгая; при великих трудах пища была самая скудная. Впрочем, большие труды услаждали и грубую пищу. “Бывало, – вспоминал отец Антоний, – окончив правило, возьмешь железную лопату да грабли и пойдешь чистить дорожки. Как обойдешь весь скит-то да придешь в трапезу, – подадут блюдо простых щей, и те с большим вкусом употреблялись”. А надо знать, что каждая из оград скита, подле которых идет дорожка, имеет протяжения по 75 сажен (163,5 м, – *Сост.*). Если в великие праздники кто-либо из Козельских граждан присылал для скитской трапезы пшеничных булок, то они предлагались братиям; в противном же случае довольствовались и в праздники черным хлебом. Самовар во всем скиту был один у начальника, к которому только дважды в неделю все братство собиралось пить чай»⁵⁶.

В августе 1827 года отец Антоний был рукоположен в иеромонаха. Всякому было видно его благодатное душевное устроение, но сам он не уставал в стремлении к крайнему смирению. Оно, в частности, красноречиво выразилось в письме отца Антония к брату в Саровскую пустынь – к отцу казначею Ионе. «О себе Вам донесу, – писал отец Антоний, – что ради молитв Ваших святых Господь Бог еще не погубил меня, но даже доднесь долготерпит мне и не точию не наказует, но еще и милость Свою непрестанно ко мне изливает. Слава Богу, я еще и здоров, довольствуюсь покоем по внешнему человеку, и хотя козлище есть греховное, но нахожусь в стаде овец Христовых и более осьми лет почтен чином ангельским, а всего удивительнее та милость Божия, что уже и саном священства без заслуги награжден, по чину коего и МИР ВСЕМ возвещаю, но оного (мира) в себе самом не обретаю, по Давидову слову: *Несеть мира в костех моих от лица грех моих*»⁵⁷.

В том же письме отец Антоний сообщает брату разные сведения о монастыре, о брате, отце Моисее, о скитской жизни. «Батюшка отец строитель наш, – пишет он, – имеет у себя братии в монастыре 60 человек да в ските поболее 20-ти, а всего с лишком 80 человек; притом кроме управления еще он же и общий всем духовник; должности казначея, благочинного и письмоводителя исправляет сам, закупкою разных потреб для обители занимается по большей части сам. Имеет монастырь три водяные мельницы расстоянием от обители в верстах осьми и менее, над которыми еженедельный надсмотр имеет сам; посетители обоего пола и благодетели хоть изредка бывают, но по обычаю здешнего края принимаются и угощаются в кельях настоятельских, чем он также сам занимается; экономией и постройками с большой охотой занимается сам... Письма просительные и благодарные хотя не часто, но сам пишет. <...>

Наша скитская убогая обитель год от года богатеет жильцами... В конце прошедшего года поселился у нас наш авва и столп пустынный, старец отец Досифей, живший в пустыне более сорока лет»⁵⁸.

Отец Ювеналий в своем жизнеописании отца Моисея привел рассказ «оптинского старжила»: «...однажды посетил Оптину пустынь, проездом в столицу, один Преосвященный. Осмотрев монастырь, он пошел в скит, любовался его уединенным местоположением и устройством и потом спросил сопровождавшего его отца настоятеля: “Кем это все устроено?”. Отец Моисей сказал несколько уклончивых слов вроде того, что это устраивалось постепенно на здешнем месте. Преосвященный отвечал: “Я и сам вижу, что скит устроен на здешнем месте, но желаю знать, кто именно построил скит?”. – “Настоятель с братнею”, – сказал отец Моисей. “Говорят, что вы все это устроили”, – продолжал Преосвященный. “Да, и я при этом находился”, – ответил отец Моисей. После этих слов у посетителя отпала охота еще его расспрашивать».

С 1826 по 1828 год – от времени назначения на должность скитона начальника отца Антония до прихода в скит старца Леонида – из братии скончались четыре человека. Это монах Нифонт, из мещан города Карачева, до прихода в Оптину подвизавшийся в Рославльских

лесах. Он пришел в скит в декабре 1825 года и только пять месяцев прожил здесь, болел семьдесят дней и отошел ко Господу сорока семи лет 14 мая 1826 года. 18 июня того же года умер послушник Михаил Бакин (из Орловских мящан), живший до скита Оптиной пустыни в Площанской и Белобережской пустынях. Из двух месяцев, прожитых им в скиту, он проболел сорок дней. Ему было двадцать шесть лет. Таким же молодым, двадцати пяти лет от роду, скончался в скиту 30 апреля 1827 года, прожив здесь четыре года и три месяца, мантийный монах Иосиф. 22 декабря 1828 года умер старец монах Досифей, семидесяти пяти лет, пробыл в скиту около года. Это один из отшельников, подвизавшихся в Рославльских лесах (см. примеч. 40).

В «Описании скитского кладбища Оптиной пустыни», сделанном по благословению старца Варсонофия в 1909–1910 годах архимандритом Агапитом (с помощью рясофорного инока Иосифа Полевого, послушника Николая Беляева и также послушника Александра Аваева), приводится следующий рассказ: «За несколько времени до кончины старца сего (монаха Досифея. – *Ред.*) был достойный внимания и памяти случай. Супруга Крапивенского помещика Тульской губернии А.С. Воейкова, женщина еще молодых лет, была в сильной горячке. Все пособия врачей оказались недейственными. Испуганный супруг и родственники, отчаявшись в выздоровлении больной, могли только ожидать ее скорой кончины. Вдруг она, как казалось им, поговоривши с кем-то тихо, встала с постели и спросила: “Где же монах, который сейчас приходил ко мне?”. Когда же уверили ее клятвой, что никто не приходил и они никого не видели, в ту минуту больная почувствовала облегчение от болезни и сказала, что приходивший говорил ей следующее: “Что ты лежишь? Вставай и приезжай в Оптину пустынь служить молебен, а я на твое место лягу – так Бог велел”. В несколько дней после этого больная выздоровела совершенно и, как только позволили ей силы, поехала с мужем в Оптину пустынь воздать благодарение Господу Богу за выздоровление. По приезде же, выйдя из экипажа, они пошли по тропинке, ведущей к скиту. На этот раз все братия, как монастырские, так и скитские, были на общем послушании – убирали покос. Оставался в скиту один только старец Досифей. Проходя живаясь за воротами по лесу, он встретился с приезжими, с простодушным приветствием ввел их в скит и показывал им внутреннее его расположение. Встреча с отцом Досифеем поразила бывшую больную.

Она смотрела на старца с благоговейной радостью и, едва скрывая это чувство, тихо сказала своему мужу: “Этот монах видом и простотою беседы разительно походил на являвшегося мне в болезни”»⁶⁰.

Глава 6

Старец-настоятель архимандрит Моисей (Путилов)

Как писал отец Ювеналий, «когда отец Моисей сделался настоятелем, из зданий, ныне украшающих Оптину пустынь, существовали в теперешнем виде: одна церковь (Казанская), колокольня, старое здание трапезы, настоятельский корпус, два братских корпуса деревянных и два каменных одноэтажных. Был и собор Введенский, но очень тесный. Была и больничная церковь в память явления Владимирской иконы Божией Матери, но без притвора и пристроек. В настоятельство же отца Моисея Введенский собор распространен и устроены два боковых придела с крытыми папертями; к больничной церкви сделана пристройка; в старой братской трапезе устроена церковь во имя преподобной Марии Египетской; построена кладбищенская церковь. Над двумя одноэтажными каменными корпусами надстроены верхние этажи; вновь построено семь братских корпусов внутри монастыря; каменная ограда с семью башнями, новый большой корпус для братской трапезы, библиотека, гостиницы (восемь корпусов с тремя флигелями для богомольцев различных сословий); два конных двора с братскими келиями, скотный двор, заводы кирпичный и черепичный; мельница близ монастыря выстроена вновь; новое братское кладбище, весь скит с его церковью, келиями и службами – все это возникло при отце Моисее»⁶¹.

Перечисляя все, что создано с Божьей помощью в монастыре отцом Моисеем, отец Ювеналий говорит и о том, что сделано было впоследствии. «На земле, – пишет он, – Высочайше дарованной монастырю в 1853 году, устроен был хутор для сбора сена и для рыбной ловли. Заведен прекрасный рогатый скот крупной породы. Улучшены прежние и вновь устроены большие огороды, сделавшиеся необходимыми при умножении числа братии и богомольцев. Разведены фруктовые сады около монастыря и на хуторе. При вступлении в должность отца Моисея Оптиная пустынь владела всего 197 десятинами и 1564 кв. саженями земли под монастырем, лугами, огородами, озерами, дорогами и лесом, из которых было 80 десятин собственно леса и луговой земли, за исключением неудобной и находящейся под строением, реками и дорогами до 50 десятин, а в год кончины отца архимандрита Моисея было у обители 348 десятин, 1464 кв. саженей земли, и в том числе 188 десятин леса. Отцом Моисеем устроено каменное помещение для монастырской библиотеки... устроена и самая библиотека. Началом последней послужило множество книг (до 2100) и немало рукописей, принадлежавших лично отцу Моисею. Монастырская ризница обогатилась прекрасными и многочисленными облачениями. Церкви – хорошою стенною живописью и иконостасными иконами в окладах. Личное бескорыстие и нестяжательность подвижника-настоятеля привлекали усердие богомольцев к обители и ее храмам, а это усердие и помогало отцу Моисею в деле устройства монастыря»⁶².

Отец Ювеналий, оптинский инок из дворян, потом архипастырь, свидетельствует и о духовных подвигах отца Моисея: «Таким мы видели и знали отца архимандрита

Моисея. Его строго монашеское или, точнее, истинно христианское направление и внутреннего и внешнего человека выражалось в период его настоятельства и в отношениях его к начальству, и в управлении братнею, в обращении его с рабочими людьми и с посетителями монастыря, как бедными, так и богатыми, наконец, и в келейной его жизни»⁶³. Уже в период, когда в скиту Оптиной пустыни появились старцы, случалось, пишет отец Ювеналий, «что некоторые лица, знакомые оптинским старцам... спешили по приезде своем прямо к старцам, чтобы перед ними излить свои духовные нужды и скорби, и только на другой день, успокоившись мысленно, вспоминали, что они еще не видели настоятеля, не принимали его благословения. Но отец Моисей таких упущений со стороны своих гостей будто не замечал и, когда бы кто ни являлся к нему, всех принимал с одинаковою приветливостью и ласкою, и все ухо-

дили от него утешенные его благодушием и духовною мудростью. Но особенно смирение отца игумена Моисея и величие его духа видно в том, что он сам обладал и даром слова, и знанием сердца человеческого, и ведением Священного Писания и отеческих книг, и духовною мудростью и потому... весьма мог быть духовным наставником других; но, с одной стороны, понимая, как трудно в одном лице совместить эти две обязанности – настоятеля и старца, и, с другой – вполне доверяя отцам Леониду и Макарию, он не обнаруживал своих духовных старческих дарований. С посетителями вел он обыкновенно какой-либо общий назидательный разговор, зная, что они, по личной духовной потребности своей, верно уже слышали или еще услышат от старца должное наставление. Даже и с братьями, искренно относившимися к старцу, отец Моисей избегал брать на себя наставничество, а только при случае вкратце делал им как настоятель нужное замечание. <...> Многие и не подозревали, что тот, которого они считали только хорошим хозяином и мудрым настоятелем, был вместе с тем и мужем поистине духовным в полном значении этого слова. Другие хотя и знали это, но не могли подвигнуть его оставить любимое свое молчание, и только изредка, по просьбе немногих лиц, соглашался он объяснить то или другое неудобопонятное место из Священного Писания или побеседовать о чем-либо духовном, и тогда все заслушивались мудрых его слов. Однажды особенный случай заставил отца архимандрита сделать некоторым лицам в обители наставление в присутствии отца Макария. Из уст старца-настоятеля так и полились речи, исполненные мудрости и силы духовной. Все с изумлением слушали его, изумляясь и тому, как он говорит, и еще более тому, как он всегда молчит, имея такие дарования. <...> По духовной своей мудрости он самым настоятельством своим пользовался не для того, чтобы выставить себя, а более скрываться внутри себя: ни малейше не завидовал старцам в их духовной деятельности и ее плодах, но со смиренною мыслью оставлял себе только настоятельские труды и попечения»⁶⁴.

Старец Леонид, а потом и Макарий появились в Оптиной не без участия отца Моисея. «Не будь настоятель муж поистине духовный, – пишет отец Ювеналий, – не содействовал он введению старчества, оно не могло бы утвердиться в обители. Отец Моисей с любовью принял старцев и водворил их в своей обители. Он лучше других понимал высокое значение и силу их благотворной деятельности, и, судя обо всем не по человеческим толкам и понятиям, а с духовной точки зрения, он с редким доброжелательством и беспристрастием содействовал трудам старцев всеми зависевшими от него мерами: без их совета не определял и не постригал никого... сам во многом советовался со старцами касательно внутреннего благоустройства обители и избрал отца Леонида своим духовником»⁶⁵.

В обители нашлись иноки, которые не только не понимали старчества, но считали его даже «ересью» и писали жалобы и в Калугу, и в Петербург, отчего отец Моисей имел много неприятностей. «Таким образом, – пишет отец Ювеналий, – старчество было насаждено в Оптиной пустыни. Политое слезами духовно мудрого настоятеля и его благих помощников, возделанное их сердечными воздыханиями, скорбями и молитвами, оно возросло и укрепилось, а потом принесло и добрый плод – благоустройство обители... Хотя ближайшими насадителями старчества и были отец Леонид и отец Макарий, но на долю отца Моисея выпадает при этом великая заслуга. На нем сбылись слова Священного Писания: *Даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит* (Пс. 19, 5). Он сердечно, молитвенно желал ввести духовное руководство для братии и Сердцеведец *внял уготованию сердца его* (ср.: Пс. 9, 38), послал ему отцов Леонида и Макария, как некогда послал авве Серида в Палестине Варсануфий Великого и Иоанна Пророка»⁶⁶.

О начале старчества в Оптиной пустыни мы поведем рассказ в следующих главах, а пока прибавим еще несколько штрихов к портрету настоятеля-старца, черпая их из того же жизнеописания отца Моисея, составленного отцом Ювеналием, не только хорошо знавшим его, но и относившимся к нему с величайшим уважением и любовью. «Мы, братия, – писал он, –

смотрели на него с любовью и благоговейным страхом, но едва ли не во всех нас преобладал страх, хотя отец архимандрит Моисей и не был грозен в речах и действиях, – напротив, в них всегда проглядывала любовь и духовное понимание нужд и немощей человеческих, но и строгость к самому себе. Он не любил повелевать и выказывать свою власть, но всегда и везде был сам начальником и не упускал власти из своих рук. В многолюдной обители с тремя почтистами братии и рабочих, при огромном хозяйстве, множестве самых различных послушаний, постоянных постройках, большом съезде посетителей и стечении народа не было заметно в отце Моисее ни суетливости, ни тревоги. . . Все управлялось одною волею, подчинялось одному человеку, а человек этот только ходил везде и смотрел, говорил мало и часто как будто не замечал того, что было перед глазами. Дело в том, что отец архимандрит Моисей как сам все исполнял по совести, так и братий направлял к тому, чтобы всякий из них делал свое дело без стеснения, по совести. Никому не позволял он уклониться в своеволие, но, с другой стороны, всякому благоразумно представлял достаточную свободу. . . Отец архимандрит, отдавая приказания, не любил входить в мелочи и тем связывать подчиненных»⁶⁷.

«Случалось, – пишет отец Ювеналий, – что некоторые из немощных братий, особенно в первое время настоятельства отца Моисея, питая к нему за что-либо неудовольствие, увлекались до того, что поносили его разными укоридами и делали это в присутствии его, притворяясь, что его не замечают. В подобных случаях отец Моисей все выслушивал, улыбаясь, с веселым видом и с какою-то радостью принимал неприятные слова как драгоценный подарок и после ни словом, ни делом не воздавал за такое неразумие. А приходя в келию, молился пред образом Спасителя, о Котором всегда говорил: “Вот мое прибежище!”.

Во все время его настоятельства никто от него не пострадал, никому он не повредил. <...> У него все были хороши, и самые немощные – в надежде их исправления. <...>

Случалось, что между братиями возникало какое-либо неудовольствие и тот или другой приходил жаловаться к настоятелю. Внимательно выслушав жалобу, отец Моисей давал недовольному высказаться, прерывая изредка замечаниями в таком роде: “Как же он это мог сказать! Поди ты, одобрить этого нельзя”, – а в заключение, когда пришедший думал, что с виновного последует взыскание, отец Моисей обыкновенно говаривал: “Да, уж нужно кончить дело по-монашески. Пойди, как-нибудь там объяснись с ним”. То есть тот, кто приносил жалобу, должен был делать первый шаг к примирению или просить прощения у другого. . . <...>

Из наставлений, которые отец Моисей давал брату своему отцу Антонию еще в 1823 году, когда сам был только начальником скита и монастырским духовником, видно, как он был велик в этом отношении. “Немощи душевные, – говорил он отцу Антонию, исповедавшему ему свою скорбь на одного брата, – должно носить благодушно, без огорчения. Ибо если кто болен телом, то не только на него не огорчаемся, но еще и служим тому всяким образом; то таким образом надо и в душевных недугах поступать”. <...>

В последние годы жизни, когда кто-нибудь с огорчением говорил ему о каких-либо беспорядках или бесчиниях, отец архимандрит кратко отвечал: “Да уж сам-то я хуже всех”, – и говорил это с таким искренним смирением, что разговор о немощах братских невольно прекращался. <...>

В обители работал печник, часто плутовавший и нехорошо исполнявший свое дело. По просьбе эконома отец архимандрит решился его рассчитать и отпустить навсегда; но печник усердно просил прощения и обещал исправиться. Отец архимандрит простил его и снова нанял. Эконом, узнав об этом, приходит к отцу Моисею и говорит: “Батюшка! Вы опять того печника наняли; ведь он плут, как и Вам хорошо известно”, – “Да ведь он бедный человек, я видел, что на нем и рубашки-то нет, а только кафтан; надобно же ему помочь, притом же он обещает исправиться”. – “Когда же он исправится, батюшка, он известный негодяй”, – “Как, человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй! Сам ты негодяй, ступай!” Так эконом и ушел»⁶⁸.

«...Игумен Никодим (настоятель Мещовского монастыря, – *Сост.*), как сам после рассказывал, пошел в небольшой садик, бывший при келии отца архимандрита Моисея, и видит крестьянского мальчика, сидящего на дорожке. “Ты что здесь делаешь?” – спросил он его. “Кротов ловлю”, – “Что же ты, и жалованье получаешь?” – “Получаю”. Прохожу дальше, другой мальчик сидит около яблони. “А ты что делаешь?” – “Ворон отпугиваю, чтобы яблоков не портили”, – “И жалованье получаешь?” – “Как же, получаю”, – “Вот пустяки-то, – подумал отец Никодим, – на что архимандрит деньги тратит”. Входит он с этой мыслью в келии отца архимандрита и говорит ему: “Ходил я, батюшка, у вас по саду да, признаться, и подивился, сколько там мальчиков у вас, и все на жалованье. Один кротов ловит...” – “Да! – прервал его старец, – какой это вредный зверек, у лучших растений подкапывает иногда корни, они и сохнут, я уж нанял мальчика их ловить”, – “А другой мальчик, как я видел, ворон пугает”, – “Да! Вот и эта птица, как она вредна, самое лучшее яблоко испортит, да, испортит. Должен я был нанять мальчика, чтобы их отгонять. Да и ребята-то бедные, сироты”. Игумен замолчал, уразумев, что дело не столько в кротах и в воронах, сколько в бедности мальчиков-сирот»⁶⁹.

«Всю жизнь отца архимандрита можно выразить такими словами: “Он жил сокровенно в Боге”. Как ни высоко это слово, для него оно было и делом. Во все: в попечениях об устройстве и содержании обители, в управлении братством и нравственной его поддержке, во всех своих благонамеренных предприятиях, – во всем возлагался он на Господа с полной верой и упованием; все, случавшееся с ним, принимал, как от Господа: скорбное – как посланное для пользы душевной, утешительное – как знак Отческого милостивого промысления. “От Него, Создателя, – говорил он, – бытие наше; Им живем и движемся, и от Него всякое благо и всякий дар”.

Приобретая великую веру, безгневие, кротость и другие добродетели, которые по учению святых отцов способствуют молитве и воскреляют ее, отец архимандрит был великим любителем и делателем и сей царицы добродетелей: пребывал всегда в молитвенном соединении с Господом, ради Которого и нес описанные нами и оставшиеся от нас сокрытыми многие труды благочестия. Стоя в храме и внимательно слушая Божественную службу, нередко так углублялся в молитву, что не замечал, когда кто из братии подходил к нему и кланялся, испрашивая его благословения или прощения... <...> Отец игумен Антоний однажды так выразился об отце архимандрите Моисее: “Все, что поют и читают в церкви, он там слышит”, – указывая рукою на глубину сердца»⁷⁰.

В одной из откровенных бесед с близким человеком отец Моисей признался, что если сам служит, то готовится к этому с великим трепетом. «Когда я готовлюсь служить, – говорил он, – меня всегда озабочивает помысл: все нам Бог посылает; мир не оставляет нас приношениями; но есть, может быть, человек, которого я оскорбил неумышленно, отказал ему в чем-нибудь, лишил его, может быть, крова, не дал ему дневного пропитания, и он держит гнев на меня. А я не знаю его и не примирился с ним. Поэтому, когда я приступаю к служению, первый поклон пред престолом я всегда кладу за таких и молю моего Господа: укажи мне его, чтобы я имел возможность примириться с ним и седмерицею воздать за все, чего я лишил его»⁷¹.

Таков был этот человек – истинный монах, старец-настоятель, при котором и во многом благодаря которому зародилось и процвело в Оптиной пустыни то знаменитое старчество, которым она известна в истории Церкви.

Глава 7

О русском старчестве

Старчество на Руси не могло входить в жизнь без труда. Это происходило с преодолением тяжких искушений. Не будем здесь говорить о его древних истоках, лежащих в Египте, Палестине и на Святой горе Афон, скажем только, что отцы православной монашеской древности, великие аскеты и мудрецы, стяжавшие благодать Святого Духа, оставили после себя писания, где, исходя из личного аскетического опыта, поучают читающего, указывают пути примирения с Богом, достижения вечного спасения. Русское старчество черпало из этих писаний живую воду истинно православного учения, которое помогало им достигать духовной высоты и возможности наставлять на истинный путь других. Кроме того, в монашестве нельзя достигнуть никаких положительных духовных результатов без послушания, действиями по своей воле, а не по благословению наставника, духовного отца, старца.

Митрополит Трифон (Туркестанов; 1861–1934)⁷² в своей работе о старчестве, написанной в 1895 году, рассматривает это явление всесторонне и дает его ясную и сжатую картину. Старчество основано Самим Богом. Он был Сам наставником первых людей. Когда они были в полном послушании у Него, то благоденствовали. После же грехопадения человек утратил эту прямую связь и стал нуждаться в посреднике. «В Новом Завете, – пишет митрополит Трифон, – домостроительством Боговоплощения средостение между людьми и Богом разорено Великим Ходатаем и Посредником Господом нашим Иисусом Христом, и непосредственное научение Богом стало вновь для всех возможным. Ибо в крещении нам дарована совершенная Божия благодать к исполнению всех заповедей, но разбойник (грех) и после этого имеет возможность входить в душу и делать что хочет, ибо природа наша удобоприемлема и для добра и для зла. <...> Человек стоит среди двух путей, то есть праведности и греха, и на какой хочет, вступает и идет по нему, ибо в крещении ветхий наш человек, влекущий нас от Бога на сторону диавола, плоти и мира, поражен смертельно, но не так, чтобы он – этот человек – не имел силы прожить еще несколько мгновений в предсмертных содроганиях, чтобы нельзя было подкрепить, восстановить и изменить его в себе сродными ему пособиями, лечением, пищею, то есть служением плоти, миру и диаволу, чтобы, ожив в нас, он не мог ослабить и даже убить в нас нового чистого человека, порожденного в нас крещением»⁷³.

«Духовное действие Божией благодати в душе совершается с великим долготерпением, премудростью и таинственным смотрением ума... <...> Но как ныне, с одной стороны, наше с детства отклонение от доброго и уклонение к худому, с другой – обольщение и непримиримая вражда против нас лютого велиара научают нас, отвратившись от спасительных и благотворных заповедей, носиться по душепагубным стремлинам и, что всего плачевнее, возбуждают нас против самих себя и мудрствовать, и действовать до того, что, по слову Божию, несть *разумеваяй или взыскали Бога* (Пс. 13, 2), и мы все, уклонившись от правого пути, стали неключимы, плотяны и безблагодатны: то крайнюю имеем нужду во взаимном друг друга направлении к добру и содействию в том. Таково основание старчества в Новом Завете»⁷⁴.

«Из указанного общего основания старчества естественно вытекают и следующие, от него зависимые: невозможность достигнуть без него требуемого от нас христианского совершенства, ограниченность человека и важное значение примера в нашей жизни. Каждое из них тесно связано с падением, ибо или непосредственно от него возникло, или, по крайней мере, им в значительной степени усилилось...

Первое, то есть невозможность достигнуть христианского совершенства без руководителя, будет для нас ясно, если обратим внимание на то, что, с одной стороны, потребны великая рачительность и внимательность ума, чтобы человеку отличать чуждые помыслы, внушаемые

сопротивную силою, ибо ум человеческий по причине неотлучного с нами и обольщающего нас зла ходит лукаво, а душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивною силою. С другой – князь лукавства, будучи некоею мысленною тьмою греха и смерти, каким-то сокровенным и жестоким ветром, обуревают и кружит весь на земле человеческий род непостоянными помыслами и мирскими пожеланиями, уловляя человеческие сердца, и тьмою неведения, ослепления и забвения наполняет всякую душу, не рожденную свыше и мыслию и умом не переселившуюся в иной век. Всего же чаще сатана как бы под видом добрых помыслов, что можно благоугодить сим Богу, делает свои внушения душе и вовлекает ее в предприятия тонкие и благовидные, и вовлекаемый не умеет различить и оттого впадает в сеть и погибель диавольскую. Поэтому приобретение души своей невозможно человеку, если не соделается чуждым всего, что в веке сем, и не посвятит себя исканию любви Христовой и если ум его не поставит себя вне всякого вещественного и земного развлечения, чтобы ему можно было всецело заняться достижением единой цели.

Но грехом зараженный плотяной человек неспособен к благодатным ощущениям, ибо хотя Дух Святый во всех вообще есть как всех объемлющий, и о всех промысляющий, и во всех приводящий в движение естественные семена добра, но проявление благодати, дарованной в крещении, открывается по мере ревности каждого быть верным вере. Неведение перстного ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевные, соделывает душу потемненной и помраченной к уразумению Божественных и человеческих вещей, ибо если человек не достигнет великой меры духовного возраста, то не может различать помыслов, но бывает поруган демонами и впадает в обольщение, поверив им. Но, открывая очи свои покаянием, она [душа] все видит чисто, слышит внятно и разумеет разумно. Истинное же покаяние невозможно без смиренномудрия, питающегося послушанием, и удрочения тела подвигами. Посему если мы действительно хотим самым делом достигнуть христианского совершенства, то должны ввериться тем учителям и руководителям, которые не суесловным рассуждением бредят о нем, но делом и опытом понимая, могут и нас научить, направить к нему и верно указать и путь к достижению его. Ибо, кто хочет совершенно узнать путь, но не идет с знающими его совершенно, тот никогда не достигнет града. Итак, без руководителя ум человеческий не может когда-либо ни взойти на небо, ни преуспеть или возрасти и сделаться совершенным, ни уметь верно различать добро от зла, и страстным отнюдь не должно верить своему сердцу, ибо кривое правило и прямое кривит. “Не безумно ли думать, – говорит преподобный Кассиан, – что не требует учителя труднейшая из всех наук – наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одною чистотою сердца, незнание коей рождает не временный ущерб, но погибель души и вечную смерть”⁷⁵.

Порядок и последовательность если в ином чем, то и в делах благочестия имеют место и должны быть вводимы с самого начала, поэтому молитва, без которой невозможно стяжать добрый и благоустроенный нрав, приобретаемый вообще трудом и подвигами, должна стоять на первом месте в ряду добродетелей»⁷⁶.

«...Отец Леонид (Кавелин) в своем описании Козельской Введенской пустыни говорит: “Путь старческого окормления на все века христианства признан всеми великими пустынножителями, отцами и учителями Церкви самым надежным и удобнейшим из всех, какие были известны в Христовой Церкви. Старчество процветало в древних египетских и палестинских киновиях, впоследствии насаждено на Афоне, а с Востока перешло в Россию”⁷⁷. Его же слова буквально повторяет и составитель жития Оптинского старца отца Льва – отец Климент (Зедергольм). В России старчество прочно держалось до XVIII столетия. Древние иноческие уставы, наставления отцов-подвижников, из которых некоторые причислены к лику святых, свидетельствуют об этом. Старческое руководство, как и в палестинских и египетских скитах, было двоякого рода: или настоятель, игумен был в то же время и старцем для братии, или же на нем

лежала лишь хозяйственная часть, а духовное окормление было предоставлено другому иноку. <...>

Одним из первых настоятелей-старцев на заре монашества [на Руси] был преподобный Феодосий Печерский. О нем говорится, что он “следил с величайшею заботливостью и любовью за нравственным состоянием своих братьев и не упускал ни одного случая преподать каждому приличное наставление. Когда он поучал, то говорил тихо, смиренно, с мольбою; когда обличал – слезы текли из глаз его”. <...>... Управление монастырем не было для преподобного Феодосия лишь делом хозяйственным, и на братию он не смотрел лишь как на более или менее исправных работников, с которыми поэтому можно справляться лишь одними внешними дисциплинарными мерами. Нет! Для него всякий сын обители был как бы родным его сыном, за душу которого он должен отдать отчет Богу»⁷⁸.

Далее митрополит Трифон пишет о преподобном Сергии: «Его поистине считают обновителем монашества: он воспитал на началах строгого общежития множество иноков, из которых многие разошлись по всей России и основали новые обители, в которые внесли тот же самый дух подвижничества, в котором были сами воспитаны. Сам преподобный Сергий нередко поучал братию словом, но еще более примером собственной жизни. <...>

В XV веке в лице знаменитого Иосифа Волоколамского мы видим игумена-старца уже не одной братии, а и благочестивых мирян. Прежде всего он, разумеется, заботился о своих монахах, для которых был руководителем и примером во всем. Первым являлся в церковь, где часто пел и читал на клиросе и говорил поучения братии; первым выходил и на общие работы и участвовал в них наравне с другими, неусыпно следил за поведением иноков днем и ночью и обращал особенное внимание на их душевное состояние: вразумлял, утешал и подкреплял словом совета и силою своей молитвы»⁷⁹.

Оба преподобных как духовные наставники приняли большое участие в воспитании русского народа, укрепляя Христову веру в простых людях, вельможах, воинах, князьях. Их влияние простиралось через учеников их, через примеры из их подвижнической жизни и на будущие времена.

А так как они прославлены во святых Божиих, то и по молитвам нашим к ним они предстательствовали за свой народ перед Божиим Престолом.

«Высшего расцвета старчество в России, – пишет митрополит Трифон, – достигло в конце XV и начале XVI столетия при преподобном Ниле Сорском. Он долго путешествовал по Востоку для изучения монашеской жизни, по возвращении в Россию основал на реке Соре обитель с доселе еще неизвестным в России скитским направлением, составлявшим как бы средину между жизнью монахов общежительных монастырей и жизнью одиноких отшельников. Устав своей обители он изложил в своем “Предании учеником своим о жительстве скитском”. <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.